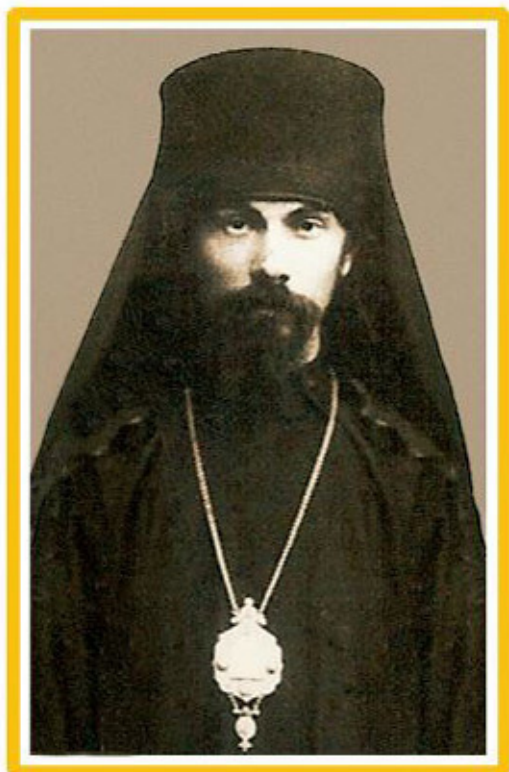

Подвижники благочестия XX века

ДУХОВНИК ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

Архиепископ
Феофан Полтавский (Быстров)

**Вячеслав Марченко
Ричард Бэттс
Духовник царской семьи.
Архиепископ Феофан Полтавский,
Новый Затворник (1873–1940)**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5810334*

*Духовник царской семьи. Архиепископ Феофан Полтавский, Новый Затворник: Даниловский
бلاغовестник; Москва; 2010
ISBN 978-5-89101-386-5*

Аннотация

Сколько мук претерпела Россия в XX веке, но и сколько милости Божией видела в явленных в ней новых подвижниках, мучениках и исповедниках!

Одним из великих светильников Православной Церкви и одним из величайших ученых-богословов своего времени стал Архиепископ Феофан (Быстров).

Он был духовником Помазанника Божия Государя Императора Николая II Александровича и всей его Семьи. Святитель Феофан был «совестью Царя», гласом и хранителем православных заповедей и традиций.

Ректор Санкт-Петербургской Духовной академии, он стал защитником Креста Господня, то есть православного учения о догмате Искупления, от крестоборческой ереси, благословленной Зарубежным Синодом, он послужил Святому Православию и критикой софианства.

Прозорливец и пророк, целитель душ и телес – смиреннейший из людей, гонимый миром при жизни, он окончил ее затворником в пещерах во Франции. Почитатель и наследник святителя Феофана Затворника, святитель Феофан Новый Затворник сам стяжал Дух Святой.

Житие его, его подвиги и труды да послужат поддержкой верным в наши лютые времена, да будут они во славу Божию и во славу верных в Боге.

Содержание

Жизнеописание архиепископа Феофана Полтавского (Быстрова)	5
Предисловие к первому изданию. Архиепископ Феофан Полтавский – защитник Православия	5
Предисловие ко второму изданию	10
Предисловие к настоящему изданию	12
Введение. Детство	14
Ранние годы Святителя	16
Студенческие годы	18
Пастырь и учитель. Духовник Царской Семьи	29
Искушения. «Диспут» с В.В. Розановым	40
Валаам. Старец Алексей. Об исповеди	44
Старцы. Старцы Варн и Исидор Гефсиманс:	50
С.М. Труфанов (отец Илиодор)	54
Григорий Евфимович Распутин	60
Саров. Предсказания блаженной Паши Саровской	72
На Симферопольской и Астраханской кафедрах	76
На Полтавской кафедре	83
Помазанник Божий – Государь Император Николай II. Грех русского народа	91
Искушения от обновленцев и от украинских самостийников	97
Конец ознакомительного фрагмента.	99

**Вячеслав Марченко,
Ричард (Фома) Бэттс
Духовник царской семьи.
Архиепископ Феофан Полтавский,
Новый Затворник (1873–1940)**

Это издание выходит в год семидесятилетия со дня блаженной кончины архиепископа Феофана Нового Затворника.

Первое издание вышло в 1994 году по благословению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева)

Жизнеописание архиепископа Феофана Полтавского (Быстрова)

*Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески
неправедно злословить за Меня.
(Мф. 5, 11)*

*Будь верен до смерти,
и дам тебе венец жизни.
(Апок. 2, 10)*

Предисловие к первому изданию. Архиепископ Феофан Полтавский – защитник Православия

У великого Святителя и духовного писателя Феофана Затворника было много читателей, желавших жить по-христиански, следуя его учению. Но немного было истинных последователей, на которых в полноте отразилась восприимчивость к стяжанию Духа Святого.

Одним из редких восприемников подлинного наследия явился скромный носитель его имени ~ Феофан (Быстров), архиепископ Полтавский, впоследствии Болгарский, скончавшийся затворником в пещерах Франции. Его духовный облик во многом напоминает его соименника ~ великого затворника Феофана Вышенского († 1894), и хотя исторические вихри унесли его за пределы России, тем не менее место его в русской агиографии XX века заметно и значимо. Враги архиепископа Феофана Нового Затворника старались уничтожить память о нем, но светильник Божий даже под спудом будет сиять благодатью Божией; такого великого подвижника нельзя скрыть, и память о нем с каждым годом только крепнет.

Значение архиепископа Феофана Полтавского, бывшего духовником Царской Семьи, одного из величайших богословов своего времени и смиренного представителя распятой Святой Руси, заключается прежде всего в стоянии за чистоту Православия. Несмотря на соблазны нашего века, невзирая на исторические перемены психологии русских людей, владыка Феофан с каждым годом вырастает в нашей памяти как подлинный Отец Церкви.

Архиепископ Феофан (Быстров)

Богословские труды архиепископа Феофана недостаточно изучены и лежат под спудом. Его вклад в сокровищницу православной патристики до сих пор был известен только в двух областях: во-первых, ~ защита Креста Господня, то есть православного учения о догмате Искупления, от новшества митрополита Антония (Храповицкого); и, во-вторых, ~ его критика софианства отца Сергия Булгакова. Если истории суждено еще продлиться, духовный облик архиепископа Феофана Полтавского будет вселенски прославлен. Если же конец мира не за горами, то учение владыки Феофана явится поддержкой для претерпевания грядущих испытаний.

Биография владыки Феофана была составлена на основании записей его четырех учеников и келейников: архиепископов Аверкия Сиракузского († 1976) и Иоасафа Канадского († 1955) и младших келейников – Севрюгина и Чернова (ныне здравствующего схимонаха Епифания). По нашему настоянию архиепископ Аверкий составил и опубликовал жизнеописание, а также письма, писанные Владыкой большей частью ему самому. Чернов начертил для нас большой труд, но включил туда много стороннего, прямо не относящегося к основной цели ~ показать обций облик праведника, исповедника истинного Православия. Но глав-

ной «виновницей» появления в свет этих записей является духовная дочь владыки Феофана еще по России Елена Юрьевна Концевич, племянница другого почитателя святителя Феофана, знаменитого церковного писателя Сергея Александровича Нилуса. Она твердо верила в святость Нового Затворника, ездила к нему во Францию и взяла с нас слово издать книгу о нем и о его защите чистоты православного учения.

Архиепископ Сиракузский Аверкий (Таушев)

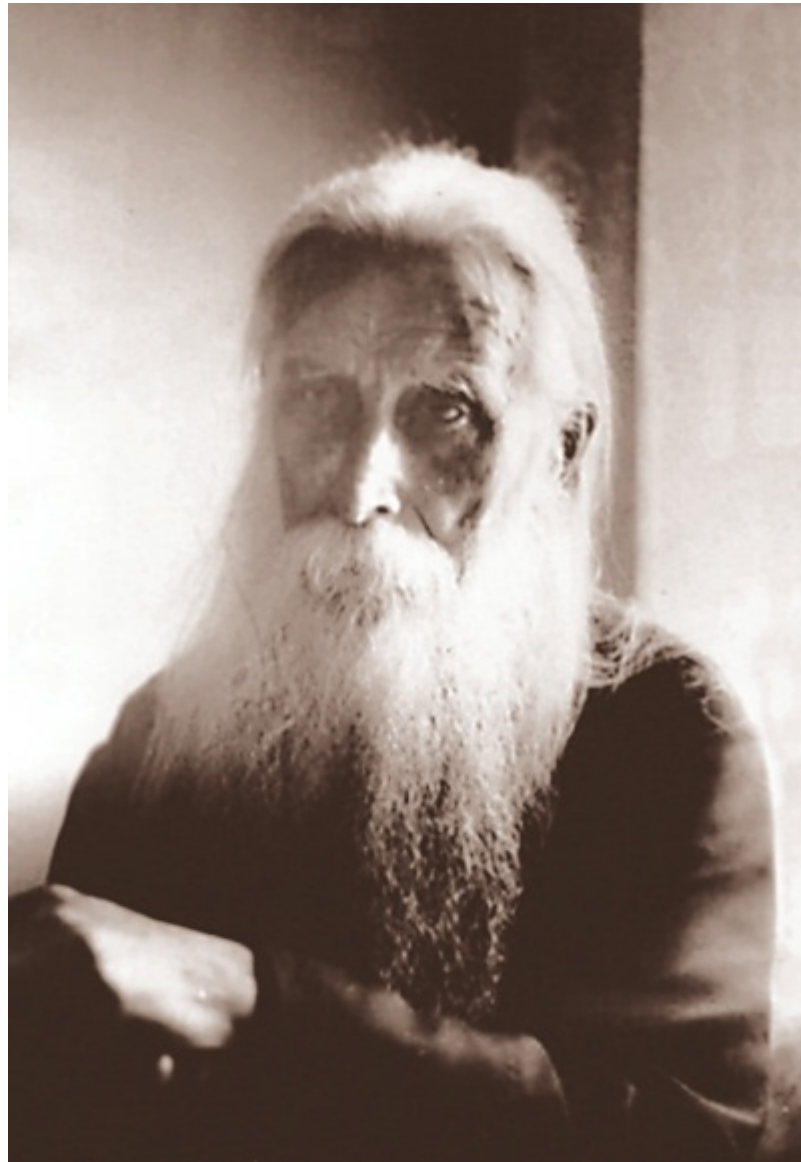
Архиепископ Канадский Иоасаф (Скородумов)

*Для пробуждающейся Святой Руси духовное значение владыки Феофана является под-
держкой в апостольском стоянии в Истине, без чего нельзя побороть антихристового духа
нашего времени.*

*С благословения ныне здравствующего святителя Иоанна, митрополита Санкт-
Петербургского, печатается этот скромный труд Братства преподобного Германа Аляс-
кинского.*

*Издатели выражают надежду, что книга послужит толчком к опубликованию в буду-
щем неизданных сочинений владыки Феофана. Тщательное изучение хотя бы его замеча-
тельного труда «Русское Добротолубие» даст духовную силу молодым подвижникам.*

*Книга появляется при явной таинственной помощи самого Владыки... Как же раду-
ется он ныне на небесах, когда в год столетия (1894–1994) со смерти его духовного учителя,
святителя Феофана Затворника Вышенского, чествуемого во всем православном мире,
выходит на свет Божий и его вклад в духовную сокровищницу, откуда духовные бедняки
смогут черпать себе богатство святоотеческой мудрости, дабы безбедно прожить свой
век и богачами явиться на Суд Божий.*

Схимонах Епифаний (Чернов)

Радуются ныне и вышеупомянутые друзья архиепископа Феофана Нового Затворника, ибо они также вложили посильные труды в дело собирания былой славы Святой Руси. Это достояние ныне с помощью Божией передается новому поколению, дабы юноши наши, глядя на дивные образы обоих святителей Феофанов, с новой силой сеяли святое и доброе, оставленное нам великими подвижниками.

Да поможет всещедрый Господь Бог наш Иисус Христос всем нам духовно окрепнуть и продолжить святое дело укрепления рода христианского.

Игумен Герман с братией.
Мая 7/20 1994 года;
явление Креста Господня
в Иерусалиме в 351 году

Предисловие ко второму изданию

Возлюбленные о Христе читатели! Вы держите в руках неоценимое сокровище ~ свидетельство об избраннике Божиим, великом светильнике Вселенской Православной Церкви архиепископе Феофане. Это второе издание книги «Духовник Царской Семьи. Архиепископ Феофан Полтавский, Новый Затворник».

Обложка 2-го издания

Такова была воля Божия, что несколько десятилетий имя Владыки оставалось неизвестным большинству верных, но авторы этой книги знали предсказание одного раба Христова, духовными советами которого пользовался при жизни и сам архиепископ Феофан, ~ о судьбах России и об исключительном положении, которое займет в свое время владыка Феофан в Церкви земной, когда станет одним из любимых и чтимых русских святых вселенского значения. Владыка Феофан исповеднически и мученически боролся за Веру Православную, его сподобил Господь места в Царствии Своем Небесном, ему предначертал Он быть в будущей воскресенной России, в России, искупившей свои страшные грехи XX века.

При удивительных, чудесных обстоятельствах, при явной помощи свыше, совершенно неожиданно был обретен архив Владыки, считавшийся навсегда потерянным. И дал Многомилостивый Господь сокровище это нам. «Господи! кто поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня?» (Пс. 53, 1) ~ со скорбью восклицает святой пророк. Но имеем мы пророчество упомянутого нами подвижника, что владыка Феофан, ушедший в вечность, будет действовать в России и по смерти своей.

Ричард (Фома) Бэттс,
Вячеслав Марченко.
1996 год

Предисловие к настоящему изданию

Праведники всегда гонимы при жизни; великие праведники часто бывают гонимы и посмертно ~ пока живы их гонители и пока память о них мешает богоборцам.

Самой большой клевете мира подверглась и подвергается святая Царская Семья Императора Николая II. Много лжи и неприятия досталось и людям, ее окружавшим. Мир, во зле лежащий, не желает знать доброе, боится света. Архиепископ Феофан, духовник святого царя Николая и его святой Семьи, был подлинным подвижником, он стал одним из новых славных угодников Христовых; претерпел гонения при жизни, но и поныне не принят даже всеми православными – теми из них, что более всего озабочены устройством внешнего благополучия.

Пример жизни Владыки ясно показывает, как тесен путь, ведущий ко спасению, и вдохновляет шествовать по этому пути сильные души.

Когда в девяностые годы мне попали в руки рукописи владыки Феофана – через моего духовного собрата Фому (православного американца Ричарда Бэттса) от отца Германа (Подмошенского), я не сразу понял, какое это сокровище. Но прошли месяцы совместного с Фомой труда по составлению жизнеописания, пришло понимание важности попавшего к нам – не по достоинству нашему – материала, и возникло опасение. Опасение, что книга не будет принята ни внешними людьми, ни многими церковными. Но Господь, чудом сохранивший рукописи Своего избранника и воспоминания о нем, указал нам и Своего угодника, который мог бы благословить этот труд: нам стало известно, что митрополит Санкт-Петербургский Иоанн (Снычев) является почитателем владыки Феофана, что он даже желал того, чтобы могила подвижника была перенесена из Франции в Россию.

И вот мы отправили рукопись в Петербург.

...Прошли недели.

В это время игумен Свято-Германовской пустыни в Платине в Северной Калифорнии (США) отец Герман (Подмошенский) был по делам в России.

Митрополит Иоанн (Снычев)

Батюшка попросил меня связать его по телефону с митрополитом Иоанном. Тогда мне довелось впервые говорить с Владыкой. Владыка Иоанн сразу же пригласил нас к себе в гости, и мне довелось побывать у него вместе с отцом Германом. Единственный раз в жизни удостоился я видеть этого подвижника и общаться с ним.

Не буду рассказывать о подробностях, о главной цели нашего визита и том говорили владыка Иоанн и отец Герман. Меня же больше интересовало мнение Владыки о нашей рукописи. И вот я, уловив момент, с волнением спросил о ней. Владыка ответил, что к нему приходит так много рукописей, большой стол завален весь до потолка, что он физически не может прочитать и малую часть присылаемого. Он попросил не обижаться, но при этом спросил, что за рукопись. Когда я ответил, что о владыке Феофане (Быстрове), владыка Иоанн, весь переменившись, сказал: «Как же, я прочитал, и очень внимательно!» На мою просьбу написать предисловие к будущей книге он ответил, что сам до прочтения знал намного меньше, что добавить ему нечего. На просьбу о благословении на издание тут же преподал его и на мой уточняющий вопрос: «Значит, мы можем написать: Благословение Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского?» – он ответил: «Если вы сделаете это, я буду счастлив».

Вячеслав Марченко

Введение. Детство

Немощное человеческое слово не в силах достойно рассказать о высокой жизни Владыки. Господь в наше лютое время явил в нем великого светильника Церкви, Иерарха высокой духовной жизни, подвижника, вся жизнь которого была непрестанной молитвой о страждущей под игом богоборчества Российской стране.

Как ученый-богослов и иерарх, постоянно свидетельствовавший, что «верным выражением учения Православной Церкви является учение, выраженное в творениях Святых Отцов Церкви», Святитель Христов неколебимо стоял на страже чистоты Православия и вынужден был выступить против новоявленных отступлений от догматического учения Церкви Христовой.

И естественно, он, тихий и незаметный, нажил этим себе много недругов и клеветников.

Архиепископ Феофан, духовник Царской Семьи, хранил к Государю, Государыне и их августейшим Детям в течение всей своей жизни высокое и трогательное благоговение и христианскую любовь как к Помазанникам Божиим, подлинным носителям христианского духа, принявшим великие страдания во Христе и мученический венец от Господа.

Будущий архиепископ Феофан родился в селе Подмошье Новгородской губернии, в многодетной семье сельского священника Димитрия Быстрова и матушки Марии (в девичестве Разумовской), все богатство которой составляло благочестие родителей. Младенец появился на свет в самый последний день 1873 года (ст. ст.) и был наречен именем ближайшего святого, Василия Великого, одного из трех великих вселенских учителей и святителей.

В раннем детстве, когда Василию было три или четыре года, видел он удивительный, пророческий сон, ниспосланный свыше. Своим детским языком он пересказал его родителям, не понимая, что бы мог он означать. Он видел себя во сне уже «большим», в архиерейском облачении и в «золотой шапке». И стоял он в алтаре на Горнем месте во время Божественной литургии, и священник, его родной отец, кадил ему как архиерею.

Интересно, что сон сбылся до той подробности, что родной отец, вызванный Святейшим Синодом на хиротонию сына, принял участие в богослужении и действительно кадил ему, стоявшему на Горнем месте.

Малютка Вася, по воспоминаниям родителей, любил молиться с самого раннего детства. Он не умел еще читать, не знал на память молитв... Но опускался ребенок на коленки перед святыми иконами, благоговей пред величием Божиим, и лепетал *воздыханиями неизреченными* (Рим. 8, 26):

– Господи, Господи, Ты – такой большой, а я – такой маленький!..

И слышалась в той дивной, удивительной молитве малютки – немудрой словами, но мудрой смыслом – будущая непрестанная молитва Иисусова нового подвижника. И совершились на нем слова Евангельские: *из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу* (Мф. 21, 16).

Об этой молитве, бывшей в те годы дыханием души ребенка, сам Владыка в последние годы земной жизни говорил одному из келейников: «Ведь все это так умирительно... Да, Господь подают каждому молящемуся соответствующую степень молитвы (см.: 1 Цар. 2, 9 – слав, текст)... А вдуматься-то во внутренний смысл тех детских, беспомощных слов, как хороши они: “Господи, сжался надо мною и помоги мне, бесконечно слабому, беспомощному и бедствующему Твоему созданию... Сжался надо мною, Господи!”»

Отрок Василий жил тихой, незаметной внутренней жизнью. Он был сосредоточен, собран, но при этом светел и радостен. Молитвенное настроение удерживало его

от детских шалостей и излишнего пристрастия к играм. Еще в детстве Василий вкусил, *яко благ Господь* (Пс. 33, 9), вкусил от дара молитвы, и молитва сделалась наставником его на всю жизнь. Она научила его бережному отношению к миру душевному, потому что в душе своей он ощутил голос нелицемерного, непререкаемого Судии, Который ясно извещал его, что хорошо, что плохо. Как только пресекалось молитвенное настроение и нарушался мир душевный, Василий понимал, что что-то неладно. Тогда он принимался проверять себя и искать причину случившегося: то ли слово какое неуместное было сказано, то ли совершен поступок, не угодный Богу.

И найдя в душе недолжное, повергался в покаянии пред Богом, умоляя Его о прощении, пока совесть не успокаивалась и пока внутренний судия не переставал обличать его, извещая, что грех Богом прощен и мир душевный восстановлен.

Так сердечная молитва и внутренний душевный мир стали неизменными руководителями его в его духовной жизни. Внутренний наставник этот всегда указывал ему его жизненный путь.

Ранние годы Святителя

Любя Господа Бога всеми силами своей чистой души, юный Василий любил и сотворенную Им природу, особенно – не тронутую человеческой рукою суровую природу Севера, среди которой вырос. Он ясно видел в ней Невидимого Бога: *Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество* (Рим. 1, 20). В ту пору она сохранялась еще в своей первозданной, девственной красоте. Все люди этого края были земледельцами. Но земля-кормилица скудна, глина да болота, малоплодородна. Поэтому люди здесь жили небогато, даже в нужде. Лето здесь короткое, а зима долгая. Кругом все леса да топкие места со стоячей водою. В лесах много грибов и ягод: голубика, морошка. Много птиц. И над всем этим – необъятное живое небо. Народ кругом степенный, богомольный, смиренный. И мальчик Василий вдыхал этот благодатный воздух. Сын священника, тихий и прилежный, всегда был на виду.

Пришло время, он поступил в школу. В учении Господь даровал ему исключительные способности. Они проявились позже и в приходском училище, и, еще в большей степени, в Духовной семинарии и Духовной академии.

По бедности и многодетности родителей их младший сын Василий рано покинул свой дом. Он был определен в начальное Духовное училище при Александро-Невской Лавре на казенный счет. Мальчик рос худым и физически слабым, но учился очень хорошо: был первым учеником. Но сам он тогда уже понимал, что успехи его зависели не от него, они – дар Божий. Закончив училище, Василий поступил в Духовную семинарию.

О своей учебе владыка Архиепископ позже рассказывал своим келейникам: «В Духовной семинарии учиться мне было очень легко. Мне было достаточно прочесть одну страницу, и я мог пересказать ее почти слово в слово. А в классах я был по росту самым маленьким и по летам самым молодым».

Санкт-Петербургская Духовная академия и семинария

Видя его необыкновенные способности, его быстро переводили в старшие классы, так что семинарию он закончил на три года раньше тех, с кем поступал в первый класс. Но будущий Архиепископ, осознавая во всем этом великую духовную опасность, дабы не возомнить о себе и не впасть в пагубную прелесть, молился об уменьшении своих способностей к наукам. Он рассуждал так: «Все хвалили меня, восторгались. И я легко мог возгордиться и возомнить о себе неведь что. Но Ангел Хранитель предостерег меня, и я понял, какая пропасть передо мною зияла». Мы не знаем, была ли услышана его молитва, но само по себе это духовное состояние, моление об отнятии дара Божия, – редчайшее явление в духовной жизни, свидетельствующее о зрелом духовном рассуждении юноши.

Василий окончил блестяще курс среднего духовно-учебного заведения, и ему предстояло держать экзамены в высшее учебное заведение, в Санкт-Петербургскую Духовную академию. Было ему тогда неполных семнадцать лет.

Студенческие годы

Поминайте наставников ваших (Евр. 13, 7)

Профессор В.В. Болотов. Процессоры А.П. Лопухин и Н.Н. Глубоковский. Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Самый молодой из абитуриентов, совсем еще мальчик, Василий хорошо был подготовлен к экзаменам. Боялся лишь письменного по философии у известного профессора М.И. Каринского, тем более что философия не входила в семинарскую программу. Готовясь к нему, он молился святому мученику Иустину Философу и святым великим вселенским учителям и святителям Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоустому, молился о просвещении ума, о подании верной и легкой мысли.

И вот настал день испытания. Профессор М.И. Каринский вошел, поздоровался и, повернувшись к доске, написал тему сочинения: «Значение личного опыта для выработки мировоззрения». И возблагодарил Бога юный Василий за тему близкую и понятную. По молитвам святых Господь подал мысль действительно легкую. Работа, на которую отводилось четыре часа, была закончена через полчаса и составляла всего одну страницу. Абитуриент Быстров поднялся и спросил разрешения подать работу. Господин профессор был видимо удивлен. Посмотрев на часы, он с некоторым недоумением сказал:

– Ну, хорошо... Подайте.

Профессор Каринский Михаил Иванович

Похоже, что ему подумалось тогда, что самый молодой из абитуриентов просто не понял темы: он несколько колебался, когда принимал лист с сочинением. Попросив Василия немного подождать, экзаменатор начал читать. Во время чтения несколько раз отрывался, внимательно глядя на автора сочинения. Когда дочитал, сказал:

– Благодарю, благодарю Вас!.. Вы можете быть свободны.

Самый трудный экзамен прошел так быстро и удивительно легко! И имя Василия Быстрова оказалось в списке студентов первым по результатам всех экзаменов. (Надо заметить, что этот «экспромт» молодого студента профессор Каринский помнил и много лет спустя, когда архимандрит Феофан уже был инспектором Санкт-Петербургской духовной академии.)

Студент Василий Димитриевич Быстров, пройдя все четыре академических года первым, в возрасте двадцати одного года окончил свое духовное образование. По решению академического совета он был оставлен при академии для научной деятельности в качестве профессорского стипендиата.

Впоследствии он очень тепло отзывался об академии: об условиях, в которых жили и учились студенты, о возможности научной работы.

Санкт-Петербургская Духовная академия и семинария

Профессоры работали добросовестно и даже талантливо. Среди них блистал драгоценный самородок – профессор древней истории Церкви Василий Васильевич Болотов (1854–1900). Василий Васильевич владел очень многими языками, не только новыми, но и древними, и притом изучил их самостоятельно и в кратчайший срок. Он знал греческий, латинский, древнееврейский, сирский и ассиро-вавилонские клинописи, арабский, абиссинский (богослужебный – геез и разговорный – ахмарский), коптский (и древнеегипетские иероглифы), армянский, персидский (клинопись, Zend и новоперсидский), санскрит, немецкий, французский, английский, итальянский, голландский, датско-норвежский, португаль-

ский, готский, кельтский, турецкий, финский, мадьярский. Все эти языки Василий Васильевич использовал для своих научных изысканий.

Профессор Болотов Василий Васильевич

Он всех удивлял и поражал своими знаниями, ничего общего не имевшими с его профессорской специальностью, как, например, в высшей математике или в астрономии. Что касается своей специальности, то масштаб его знаний можно понять из следующего примера.

Один путешественник, посетивший с научной целью древнейшую христианскую страну Абиссинию, по возвращении в Россию хотел поделиться своими впечатлениями и научными сведениями с профессором Болотовым. Профессор, как глубоко религиозный и церковный человек, регулярно бывал на богослужениях в храме. Об этом узнал путешественник и поджидал его в воскресный день у храма. Когда профессор вышел, востоковед представился ему и сообщил, что он недавно прибыл из путешествия, и начал ему рассказывать о том, что видел. Но оказалось, что профессор знает обо всем этом несравнимо больше, чем сам путешественник. Он знал, где и какие памятники находятся, памятники археологические на камнях, пергаменте, папирусе и прочие писчие материалы древности. Профессор знал обо всех сведениях, которые они сообщали, даже в дохристианское время. Он знал самые языки, на которых сделаны надписи, языки давно исчезнувшие, и многие из этих надписей он цитировал по памяти.

Профессор сам говорил обо всем том, на что путешественник смотрел как бы слепыми глазами и не видел, что эти немые свидетели сообщали из далекой древности, потому что не знал тех языков, на которых эти надписи сделаны. Профессор все говорил и говорил, не умолкая, как бы читая по книге. Сам путешественник признавался позже владыке Феофану: «Я просто онемел от удивления и очарования. Ведь профессор Болотов никогда не бывал в Абиссинии, а знал в таких археологических подробностях все тамошние памятники. Поду-

майте только о том, что он цитировал мне многие надписи и сопровождал все это такими историческими пояснениями, что далекая, отстоящая от нас на тысячи лет картина событий оживала с поразительной реальностью, как бы в пересказе очевидца... Я быстро превратился только в благодарного и восторженного слушателя. Мне было страшно неудобно, что я такому человеку хотел рассказывать что-то новое, чего он не знал. Профессор Болотов оказался как бы жителем тех мест и тех далеких времен, а я пытался ему сообщить что-то новое об Абиссинии из моих мимолетных скудных впечатлений. Он знал все в таких мельчайших подробностях, о которых я и понятия не имел... Мне пришлось во всем откровенно признаться профессору и просить его извинить меня».

Профессор Василий Васильевич Болотов происходил из простонародья. Он был сыном сельского псаломщика, родился 1 января 1854 года. С детских лет проявил недюжинные способности в учении и этим обратил на себя всеобщее внимание. Так, он окончил с отличием духовное училище и семинарию. Будучи учеником семинарии, он настолько хорошо знал древнегреческий язык, что составил канон на этом языке святому Василию Великому, имя которого носил. Случайно попавшая ему в руки грамматика абиссинского языка, выданная ему по ошибке вместо еврейской грамматики, привела к тому, что он изучил абиссинский язык. По отзывам учителей семинарии, Василий Болотов занимал в классе место «выше первого», и настолько выше первого, что надо было пропустить за ним сорок номеров, чтобы поставить следующего ученика («Светлой памяти профессора В.В. Болотова». В. Преображенский. Рига, 1928, с. 1).

Поступив в Санкт-Петербургскую Духовную академию, он также сразу привлек к себе особое внимание Совета профессоров академии. Когда профессор по кафедре древней истории Церкви скончался, то Совет академии вынес решение не занимать освободившуюся кафедру до окончания курса студентом В.В. Болотовым, – настолько этот студент высоко поставил себя в научном отношении. Решение это было вынесено в 1878 году, а в 1879 году, всего лишь через несколько месяцев после окончания курса, он блестяще защитил магистерскую диссертацию по древней истории Церкви и занял профессорскую кафедру. Тема защиты была: «Учение Оригена о Святой Троице». Эта тема требовала многосторонних и глубоких познаний как в богословии, так и в философии. Рецензент, профессор И.Е. Троицкий, отзывался об этом сочинении как о заслуживающем трех докторских степеней («Светлой памяти профессора В.В. Болотова,» с. 2). За многочисленные последующие труды в этой области он был удостоен научной степени доктора церковной истории.

При его знании многих языков, он был членом различных комиссий: по вопросу о старокатоликах, о присоединении халдеев-сирийцев к Православию и проч. Наконец, он был членом государственной Астрономической комиссии. Перед этой Комиссией ставился вопрос о возможностях реформы календаря. Но когда профессор Болотов прочел свой доклад, с привлечением массы научного материала – астрономического, математического, археологического, коснулся и древних календарей, вавилонского и других, – Комиссия вынесла решение, что вопрос о реформе календаря научно необоснован.

Все это и многое другое говорил о Василии Васильевиче Болотове архиепископ Феофан.

Этот одаренный профессор с особым теплом относился к юному студенту Василию Дмитриевичу Быстрову. Так, однажды во время экзаменационной сессии профессор Болотов вошел в аудиторию, в которой шел экзамен по одному из важных предметов академического курса. Но в экзаменационной комиссии профессор не участвовал. В то время как студенты томительно ожидали своей очереди, чтобы сдать экзамен, Василий Васильевич неожиданно сел рядом со студентом В.Д. Быстровым. Вполне естественно, студент был смущен этим. Но профессор своим простым и подчеркнуто дружественным отношением к сту-

денту преодолел это смущение и не как профессор, а как товарищ начал расспрашивать Василия Дмитриевича:

– Наверное, устали? Я ведь по себе знаю, что экзаменационная сессия очень утомляет, отнимает много сил. Но Вы же, как всегда, подготовились?

– Да, я усиленно работал. Но знаю ли я предмет, об этом я не могу судить, об этом скажет уж экзаменационная комиссия.

– Не сомневаюсь в Вашей подготовке. Но это ожидание отнимает много сил.

«И как-то незаметно профессор начал интересоваться моей подготовкой к экзамену, – вспоминал позже Владыка. – Однако его вопросы не были по форме вопросами профессора к студенту. Нет, по тону это были вопросы из беседы двух студентов, но разных курсов, старшего и младшего. Он спрашивал, но как бы желая убедить меня в моем знании. Профессор ни разу не показал своего превосходства в знаниях. С его стороны это был вполне коллегиальный, дружественный и даже дружеский разговор. Однако эта беседа затронула круг вопросов несравнимо шире академического курса.

– Прекрасно, прекрасно... Будьте спокойны. Успех обеспечен!

После этих слов профессор вдруг встал и, обращаясь к комиссии, сказал:

– Студент Василий Дмитриевич Быстров сдал экзамен по предмету на «отлично»!

Но я не мог знать, что эта столь необычная дружеская беседа окажется экзаменом. По-видимому, профессор, дабы подчеркнуть свое доброе, сердечное ко мне отношение и в то же время чтобы освободить меня от волнений, предварительно договорился с комиссией, что произведет экзамен частным порядком. Поэтому председатель комиссии, обращаясь ко мне, во всеуслышание заявил:

– Итак, экзамен Вами, как Вы слышали, уже сдан. Вы можете быть свободны!

Профессор Болотов, обращаясь ко мне, тихо сказал:

– Итак, мы свободны. Мы можем уйти! Идемте!

Всем происшедшим я был поражен и, конечно, глубоко признателен профессору В.В. Болотову... Но слава и хвала принадлежат Господу».

Профессор благоволил к юному студенту, видя в нем не только соратника. Много общего было у профессора со студентом. Оба они выходцы из села, из простонародья. Первый – сын сельского псаломщика, второй – сын сельского священника. Оба, несомненно, вымолены молитвами родителей. Оба знали нужду по личному опыту. Оба проявили незаурядные способности. Оба с блестящими успехами прошли учение в духовном училище и в семинарии. После этого так же блестяще закончили высшее образование в одной и той же Санкт-Петербургской Духовной академии. И один и другой отобраны и оставлены академическим Советом в качестве профессорских стипендиатов и магистрантов. И тот и другой в год окончания курса начали преподавать в академии. Болотов в качестве профессора в возрасте двадцати пяти лет, а Быстров в возрасте двадцати одного года в качестве доцента. Оба носили одно и то же имя – святого Василия Великого, усердно молились ему, и он был их покровителем и руководителем. Все это, безусловно, сближало их и роднило.

К глубочайшему сожалению, профессор Василий Васильевич Болотов, ведший строгий, аскетический образ жизни, скончался совсем молодым, сорока шести лет. Глава Российского государства Государь Император Николай II выразил от своего лица и от лица всей Августейшей Семьи глубочайшее соболезнование по поводу смерти его, назвав профессора доктора Василия Васильевича Болотова «несравнимым».

Господь послал ему праведную кончину. За три часа до смерти он произнес следующие знаменательные слова:

– Как прекрасны предсмертные минуты!

Спустя час он сказал:

– Я умираю!

Он продолжал сохранять обычное свое жизнерадостное состояние и не переставал произносить отдельные слова, хотя с трудом:

– Иду ко Христу... Христос идет...

За четверть часа до кончины он перестал говорить, сложил руки на груди и, закрыв глаза, как будто уснул.

За десять минут до смерти вошел священник и, коленопреклоненный, с больничным персоналом прочел отходную молитву. Кончина случилась во время Всенощного бдения под Великий Четверг, 5 апреля 1900 года.

Зная пророчества святых о наступлении в скором будущем грозных событий, он при жизни повторял:

– Нет, я не жилец XX века! Вечная память!

Из других профессоров выделялся профессор Александр Павлович Лопухин (род. в 1852 году). Он известен своими миссионерскими трудами в Северной Америке. В академии он занимал в разное время различные кафедры и выпустил много научных трудов, начиная с апологетики и кончая толкованием Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Профессор А.П. Лопухин очень хотел оставить владыку Феофана, в ту пору иеромонаха, а затем архимандрита и доцента по кафедре Библейской истории, занимаемой им самим, продолжателем своего дела и завещал ему посмертно свою многотысячную библиотеку. Но Господь судил иное.

Профессор Лопухин Александр Павлович

Из более молодых профессоров Владыка вспоминал позже имя заслуженного профессора (это был официальный титул) и доктора по кафедре Святого Писания Нового Завета Николая Никаноровича Глубоковского (1867 – конец 1930-х). Профессор этот был человеком феноменальной памяти. Он знал все Писание Нового Завета на языке подлинника, на греческом языке и на церковнославянском и русском языках.

Заслуженный профессор Глубоковский Николай Никанорович

Среди наставников и преподавателей академии необходимо упомянуть и имя святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Отец Иоанн формально не являлся профессором Духовной академии, но по существу он *honoris causa* доктор и профессор этой Духовной академии, поскольку учился в ней, и окончил ее, и трудами своего слова, своей «Жизнью во Христе» далеко превзошел всякие знания. Владыка Феофан говорил об этом неоднократно. Он лично знал святого праведного Иоанна, они даже совершали совместно Божественную литургию.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Однажды произошел очень памятный для владыки Феофана случай, свидетельствующий о дивном даре прозорливости батюшки Иоанна. Владыка рассказывал, что в ту пору он был инспектором академии. Он готовился на завтра совершить Литургию в одном из храмов столицы, где был престольный праздник. Но случилась у него срочная, неотложная работа: представить письменный доклад Митрополиту. Он рассказывал: «С вечера и всю ночь я писал экстренный доклад, и по этой причине мне не пришлось отдыхать. Когда я окончил свою работу, было уже утро, надо было ехать в храм. А там, среди прочего духовенства, сослужил со мной и отец Иоанн. Обедня кончалась, священнослужители в алтаре приобщались.

В удобный момент, во время запричастного, отец Иоанн подошел ко мне и поздравил с принятием Святых Таин.

А потом особенно внимательно посмотрел на меня и, покачав головою, сказал: “Ох, как трудно всю ночь писать, а потом, совсем не отдохнувши, ехать прямо в храм и совершать Божественную литургию... Помогите, помогите Вам Господь и укрепите!” Можете себе представить, как отраднo было слышать от такого человека такие слова. Я вдруг почувствовал, что

вся моя усталость моментально исчезла при этих словах... Да, великий был праведник отец Иоанн Кронштадтский!»

Помолчав немного, Владыка продолжал: «А как много было людей, слепых и глухих, не принимавших отца Иоанна и очень грубо относившихся к нему. И даже среди священников были такие. Так, например, как-то прибыл отец Иоанн на престольный праздник в один из храмов Петербурга. А настоятель храма, увидев его, начал кричать на него:

– Кто тебя приглашал сюда? Что ты явился? Я тебя не приглашал. Ишь ты, какой “святой”. Знаем мы таких святых!

Отец Иоанн смутился и говорит:

– Успокойтесь, батюшка, я сейчас уеду...

А тот кричит на него:

– Ишь ты, какой “чудотворец”. Убирайся отсюда! Я тебя не приглашал...

Отец Иоанн кротко и смиренно попросил прощения и покинул храм...

А был и иной случай в кронштадтском Андреевском соборе, где отец Иоанн был настоятелем. Здесь один из прислужников начал возмущаться:

– Что ты всем раздаешь деньги, а мне, я тебе служу, ты никогда ничего не дал. Что это такое?

Батюшка смутился, молчит и, видимо, внутренне молится. А тот продолжает возмущаться и ругать его, не стесняясь в выражениях.

Случившийся здесь псаломщик вступился за батюшку:

– Ты что, на самом деле, в своем ли ты уме?! Да разве так можно?! Стыдно и страшно подумать о том, что ты говоришь батюшке.

И, перебирая заслуги отца Иоанна, он упомянул между прочим, что ведь он – отец настоятель.

– А ведь верно, ведь я же – настоятель. Разве можно с настоятелем так разговаривать?! Нет, нет, нет... Нельзя, нельзя...

Архимандрит Феофан (Быстров)

Сказав это, отец Иоанн повернулся и ушел».

Владыка Феофан заметил: «Какое смирение у отца Иоанна! Ни дара прозрений, ни дара исцелений, ни чудотворений – ничего из этого он себе не приписал.

А только, что действительно так нельзя говорить!»

Несмотря на то что отец Иоанн окончил академию на много лет раньше владыки Феофана, в стенах академии сохранилась студенческая память о студенте Иоанне Ильиче Сергиеве. Будущий светоч Кронштадтский и Всероссийский имел обыкновение в свободное от лекций время уединяться в пустой аудитории. Читая святителя Иоанна Златоуста, будущий великий церковный пастырь молитвенно радовался о великом Святителе, восторгаясь душевно от прочитанного. Владыка Феофан всегда отмечал, говоря об отце Иоанне Кронштадтском, присущую ему непосредственность, свидетельствовавшую о его сильной вере,

чистоте и девственности его души. Батюшка Иоанн всегда был чистым и непосредственным, как дитя.

Владыка Архиепископ, будучи еще архимандритом и инспектором Санкт-Петербургской Духовной академии, принял участие в похоронах великого пастыря в 1908 году.

Пастырь и учитель. Духовник Царской Семьи

В 1896 году Василий Дмитриевич назначен доцентом Санкт-Петербургской Духовной академии по кафедре Библейской истории. На третьем году своей профессорской деятельности, в 1898 году, он принимает монашество с именем Феофан в честь преподобного Феофана исповедника, епископа Сигрианского, и в благоговейную память Преосвященного Феофана, Затворника Вышенского. В том же году его рукополагают в сан иеродиакона и иеромонаха.

В 1901 году Высокопреосвященным митрополитом Санкт-Петербургским и Ладозским Антонием (Вадковским) в домовой церкви Санкт-Петербургской Духовной академии он был возведен в сан архимандрита с определением исполняющего обязанности инспектора академии.

Святитель Феофан, Затворник Вышенский

Митрополит Антоний вручил архимандриту Феофану посох.

В связи с этим назначением архимандрита Феофана на должность инспектора академии надо отметить особую черту отца Феофана как монаха.

В уставе академии сказано, что инспектор должен иметь научную степень магистра и поэтому обязан подать сочинение на соискание этой научной степени.

Современное издание. Киев, 2004

Но архимандрит Феофан на такое соискание сочинения не подал, хотя работа и была написана. Поступил он так потому, что он как монах, давший обет нищеты и смирения, не мог искать, желать и добиваться славы ученого. Это противоречит обетам монашества. Работа лежала в его столе несколько лет, пока наконец иной профессор, в его отсутствие, не взял его научную работу и не подал в академический Совет. Тема сочинения была: «Тетраграмма, или Божественное ветхозаветное Имя». Работа эта явилась магистерской диссертацией по кафедре Библейской истории Ветхого Завета. Она вышла из печати в 1905 году и очень высоко была оценена научной критикой как в России, так и за границей. Она была удостоена громкого эпитета: «Знаменитая Тетраграмма»! В ней автор рассмотрел вопрос о правильном произношении Имени и сделал вывод, что произношение «Иегова» – результат неверного прочтения, тогда как, судя по многим древним свидетельствам, правильно оно должно произноситься как «Яхвэ». В ней он также исследовал вопросы о значении, происхождении, древности и употреблении Божественного ветхозаветного Имени. Но однако, когда книга появилась в продаже, как сам архиепископ Феофан передавал:

«Я объехал на извозчике все книжные магазины и склады столицы и все книги (“Тетраграммы”) скупил и сжег!»

Так отец Архимандрит боролся против славолубия в себе.

В этом случае, как и в других подобных, он спрашивал духовного совета у благодатных старцев, особенно у таких, как известные иеросхимонахи Алексей Валаамский, Исидор и Варнава Гефсиманские. Во всех обстоятельствах он шел путем старческого совета, безжалостно отсекая все, что противоречило предуказанному пути. Он и завещанную ему библиотеку профессора А.П. Лопухина передал Духовной академии. И нет ничего удивительного в том, что многие люди, не понимая, почему он так поступал, злословили его и смеялись над ним.

Портрет преподобного Варнавы Гефсиманского

В том же 1905 году, после выхода из печати его магистерской диссертации, он был возведен в звание экстраординарного профессора и утвержден в должности инспектора академии.

И в том же 1905 году он впервые был принят Государем Императором Николаем II. В своем дневнике в записи от 13 (26) ноября Царь отметил:

«Принял арх. Феофана, инспектора С.-Петербургской Духовной академии».

Вскоре после этого отцу Феофану было предложено стать духовником Царской Семьи. Сегодня, по прошествии стольких лет, трудно себе даже представить всю ответственность перед Богом, которую возлагало это послушание. Ведь иерей в Таинстве Исповеди является свидетелем кающейся пред Господом души и отпускает грехи не своей собственной властью, но по благодати от Господа, данной ему при рукоположении; он как духовник вступает в глубоко доверительные отношения с исповедующимся и, являясь духовным отцом, руководит душу сквозь нравственные и духовные соблазны в соответствии с учением Святой Церкви. Быть духовным отцом любой христианской души – огромная ответственность, но быть духовником православного Монарха – это служение ни с чем не сравнимого духовного смысла. Помазанник Божий, Царь Николай Александрович, нес ответственность не только за себя, но и за весь народ русский. Во время коронации Государь дал обет предстоять пред Богом за свой народ, хранить Россию православным государством и по смерти передать ее в целостности своему Наследнику, честно исполнив свой долг отца Отечества. Монарх предстоял пред Господом за Россию как в политическом, так и в духовном отношении. Помазание даровало Божию благодать; и Николай II Александрович знал, что от исполнения обета зависит состояние его собственной души. Отец Феофан не был политическим или административным советником Царя, он был «совестью Царя», гласом христианских традиций и хранителем православных заповедей, на которых строилось его служение.

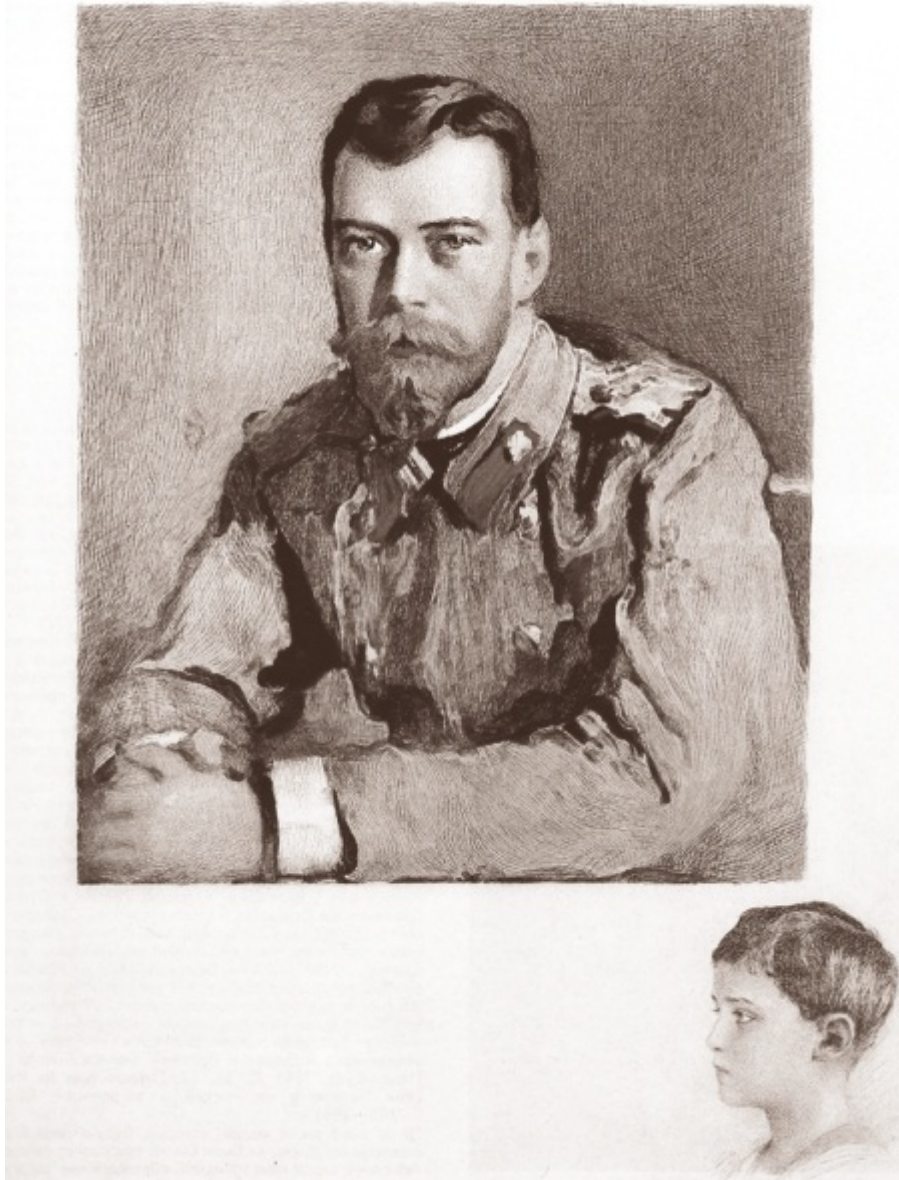
Преподобный Варнава Гефсиманский

Отец Феофан оказывал доброе влияние на всю Семью. Дневники Императрицы Александры Феодоровны этого периода полны выписками из писаний Отцов Церкви, что свидетельствует, с каким душевным вниманием она изучала рекомендованную духовную литературу. Ее записки маленьким дочерям, где она напоминала им «прочитать книгу, которую Батюшка принес вам перед Причастием», отражают заботу отца Феофана также и о Царственных Детях.

В 1909 году, 1 февраля, архимандрит Феофан был назначен ректором Санкт-Петербургской Духовной академии, и вместе с тем через три недели, в воскресенье 22 февраля, в день памяти во святых великого святителя Григория Паламы, архиепископа Фессалоникийского, на второй неделе Великого поста, в соборе Александро-Невской Лавры была совершена хиротония архимандрита Феофана во епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии.

Хиротонию совершил Первенствующий член Святейшего Синода Высокопреосвященный Антоний (Вадковский), митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский, с прочими

членами Святейшего Синода и с иными прибывшими в столицу иерархами, всего числом тринадцать и четырнадцатый – новорукоположенный Преосвященный епископ Феофан со множеством сослужащих священников и диаконов.

Император Николай II Александрович и Наследник Алексей Николаевич.

Императрица Александра Феодоровна

Глубоко символичен самый день, в который было совершено таинство хиротонии. Это день памяти святителя Григория Паламы, защитника молитвы Иисусовой и обличителя и уничтожителя «терновидной» ереси Варлаама и Поликиндина. Этим самым уже духовно предугазывалось рукополагаемому, что он должен подражать великому святителю Григорию Паламе, а кроме того, как носителю имени святого Феофана исповедника, ему вменялось в подражание и этому защитнику чистоты Православия, как подражание особо чтимому самим рукополагаемым блаженной памяти Преосвященному Феофану, Вышенскому Затворнику.

Александрo-Невская Лавра

При наречении во епископа архимандрит Феофан произнес обычное в этих случаях слово. Но оно поражает своим особым стилем – стилем смиренной простоты и естественности. Видна высокая, неземная, самоотверженная душа будущего епископа, приступающего к верховному служению в Святой Христовой Церкви. Никаких риторических приемов и лишних фраз. Простая, благодатная истина звучит в его глубинных словах. В них говорит дух древних Святых Отцов, пустынников-анакоретов. Обращаясь к Святейшему Синоду, он начал так:

«Глагол Божий, призывающий на ниву Церкви Божией делателей пастырского служения, в которых Церковь так нуждается во все времена своего исторического существования на земле, наконец достиг и до меня.

С какими же чувствами я принимаю этот глагол Божий?

Лично сам я никогда не увлекался общественным служением и не искал его и даже, по мере возможности, уклонялся от него. И если, несмотря на такое мое настроение, я призываюсь к этому служению, то верю, что на это есть действительно воля Божия и что ко мне чрез стечение видимых обстоятельств невидимо глаголет Сам Господь, властно повелевающий мне воспринять на себя бремя нового служения.

Митрополит Антоний (Вадковский)

Но если такова о мне воля Божия, то да будет она благословенна! Я приемлю ее. Приемлю со страхом и трепетом, но, однако, без смущения и боязни. Да не покажется это кому-либо удивительным. Более чем кто-либо знаю я свои немощи душевные и телесные и свое ничтожество. Всего лишь несколько лет отделяет меня от бездны небытия, из которой я вызван к бытию всемогущим мановением Божественной Воли. Затем, по вступлении моем в бытие, я наблюдаю в себе непрестанную борьбу жизни и смерти в области существования и естественного, и благодатно-духовного.

О, как тяжела бывает временами эта борьба во мне, но да будет за нее благодарение Господу!.. Она глубоко укоренила в моем сердце ту спасительную истину, что сам по себе я – ничто, а все для меня – Господь. Он – моя жизнь, Он – моя сила, Он – моя радость.

Отец, Сын и Святой Дух, Троица Святая и Преестественная, Божественная и обожающая всякое разумное бытие, неустанно и с любовью ищущее Ее и взирающее на Нее.

К этой Преестественной Троице и в настоящее знаменательное для меня время, с верою и любовью, горе обращаю я свой духовный взор. От Нее жду я помощи, утешения, ободрения, укрепления и вразумления на предстоящее мне высокое и многотрудное служение. Глубоко верю, что как некогда на апостолов сошел в виде огненных языков Святой Дух, от Отца чрез Сына исходящий, и на них невидимо почил и претворил их немощь в силу, так точно снизойдет Он и на мое ничтожество и укрепит мою немощь.

Архимандрит Феофан (Быстров)

Усердно и смиренно прошу вас, богомудрые архипастыри, в предстоящий знаменательный для меня день совершения надо мною в храме Святой Троицы великого тайнодействия епископского рукоположения, вместе со всем сонмом молящихся верных чад Церкви Божией вознесите и вы обо мне священную молитву ко Пресвятой Троице, да преизобильно облечет Она меня всеми дарованиями, потребными для нового служения: да отверзет ум к разумению Божественных Таин, да укрепит волю к совершению дел Божиих, да воспламенит сердце мое огнем всеоживляющей Любви Божественной, столь необходимой пастырю душ человеческих в этой многострадальной жизни человеческой! И да будет все мое служение и вся моя жизнь во славу Троиединого Господа, Которому Единому подобает всякая честь и поклонение во веки веков! Аминь» («Прибавление к Церковным ведомостям Святейшего Правительственного Синода», № 9 за 1909 год).

После этой хиротонии новопосвященный епископ Феофан получил из Кабинета Его Величества подарок от Государя Императора Николая II Александровича, Государыни Императрицы Александры Феодоровны и всея Августейшей Семьи – панагию, такую же, какую носил и Преосвященный Феофан, Затворник Вышенский, – с изображением Нерукотворенного Образа Христа Спасителя.

Епископ Феофан с великой кротостью и терпением, с духовным мужеством и непреклонной архиерейской твердостью нес возложенное на него Святой Церковью послушание, и не только в академии, но и до последнего дня своей многострадальной жизни.

Искушения. «Диспут» с В.В. Розановым

Почти двадцать лет, с 1891 по 1910 год, владыка Феофан провел в стенах Санкт-Петербургской Духовной академии. Вначале юным студентом, потом магистрантом Совета академии и одновременно доцентом. Затем магистром и экстраординарным профессором, исполняющим должность инспектора. И наконец, как инспектор (с 1905-го), а с 1909 года – как ректор Санкт-Петербургской Духовной академии.

Владыка подвизался на трех поприщах: научно-академическом, пастырско-священническом и монашеско-аскетическом. У него был редкий дар совмещать духовное и душевное без ущерба одного другому. Господь вел избранника Своего путем искушений, и искушений немалых. В те годы общество было заражено настроениями «передовыми», революционными. Многие возжелали «лучшего будущего» на грешной земле, забывая о действительно лучшем мире, об Отечестве Небесном. В известной мере эти настроения коснулись и околоцерковных кругов. Это поветрие проникло и в духовные учебные заведения. Не соглашаться и возмущаться стало признаком хорошего тона. В академиях появились носители либеральных идей как среди профессоров, так и среди студентов. Лозунг «свободы» антихристовой стал гордым знаменем многих. И молодому инспектору высшей духовной школы приходилось свидетельствовать пред непонимающими, что Царство Христово – *не от мира сего* (Ин. 18, 36). По своему положению он был главенствующим в академическом Совете, хотя и моложе всех профессоров: большинство из них знали его еще студентом. Речи в Совете были беспокойны. Многие требовали, обвиняли и оскорбляли. Молодому инспектору приходилось мирить, успокаивать. Но сильно было тогда поветрие обновления, все бушевало и бурлило. Были нападки не только друг на друга, но и на самого Владыку. Он вынужден был отвечать на «острые вопросы», но сохранял неизменно монашеское спокойствие, благовествуя мир (см.: Еф. 6, 15).

Конфликт с частью профессуры, подпавшей под влияние Запада, произошел в связи со специальными задачами, стоявшими перед Санкт-Петербургской Духовной академией. Эти специальные задачи вытекали из исторических и географических условий.

Так, Казанской Духовной академии вменялась в обязанность защита от ислама, буддизма и прочих восточных религий, с которыми Россия соприкасалась на восточных границах Империи.

Киевской Духовной академии ставилась задача защиты от католицизма и униатства.

Московская Духовная академия должна была разрабатывать вопросы преодоления старообрядческого раскола в Российской Православной Церкви и защиты от сектантства.

И наконец, на долю Санкт-Петербургской Духовной академии приходилась самая трудная задача: стоять на страже и защите Святого Православия от проникновения с Запада глупых идей: либерализма, протестантизма, материализма, атеизма, всякого антихристианства и масонства.

Преосвященный Феофан в период своего ректорства в Санкт-Петербургской Духовной академии, несмотря на все протесты части профессуры, заявляемые во имя антихристовой «свободы», исповеднически исполнял свой священный долг.

Позже владыка Феофан рассказывал о болезненном конфликте, произошедшем у него с одним из профессоров, пожелавшим свободы от ига Христова. Тот начал жить грешным сожительством с женою своего коллеги на виду у всей академии. Начальствующие лица академии старались этого не замечать, не желая обострять отношения со знаменитым профессором. Но когда инспектором стал будущий Владыка, то сразу всем стала известной яркая

черта его душевного устройства: исповедническое служение правде Божией, несмотря ни на какие личные невыгоды. Владыка Феофан внес предложение в академический Совет, чтобы тот профессор поступил по закону, согласно требованиям законоположений Православной Церкви:

– Совершенно недопустимо, чтобы профессор Духовной академии жил не венчано и к тому же с чужой женою. Ведь Санкт-Петербургская Духовная академия – высокое место по подготовке будущих пастырей Православной Церкви в Православном Царстве. Ведь эта академия перед глазами всех в столице Империи, и с нее берут пример миллионы... И как это возможно такое неуважение и нарушение законов Церкви и государства?

Профессор страшно возмутился и негодовал:

– Какое он имеет право вмешиваться в мою частную жизнь?

На это Владыка ответил, что, во-первых, это не совсем «частная жизнь». Профессор Духовной академии должен, по своему положению, жить по-христиански. А во-вторых, по законоположению инспектор академии обязан обратить внимание на это...

И профессору пришлось выбирать: или уходить из Духовной академии и жить частной жизнью, или смириться перед законом Церкви. Академический Совет поддержал своего инспектора, и профессор вынужден был подчиниться. Об этом конфликте владыка Феофан всегда вспоминал с горечью. У профессора не хватило христианского мужества признать свою вину и примириться. И Господь наложил на него пожизненную епитимию в жене его: она страдала серьезным психическим заболеванием. У знаменитого профессора был тяжелый крест.

Антихристов дух иудинного либерализма, натворивший столько бед в судьбах русского народа и в судьбе русской православной государственности, в те предреволюционные годы все сильнее проникал и в стены духовных учебных заведений. И раз были слабодушные профессора, то что сказать о питомцах академии?

Находились среди них такие студенты, которые под горделивой вывеской «свободо-мыслящих людей» и нигилистов пытались узаконить «свою волю». И надо прямо сказать, такое душевное состояние, по мнению Святых Отцов, есть тягчайшее духовное заболевание человека. Оно именуется духовной прелестью.

Один из студентов в своем самомнении и самообольщении стал резко выступать против верований и религиозных обычаев общества и Церкви. Гордящийся своим неповиновением законам и правилам Духовной академии, этот студент не только на словах, но и во всем своем облике и поведении старался быть не похожим на всех, чтобы этим заявить свою свободу. Он преднамеренно неряшливо одевался, отпустил такую же неряшливую бороду и длинные волосы. В общежитии он, вопреки правилам, ложился на постель в неурочное время, да еще и обутым.

Обо всем этом стало известно инспектору академии. И однажды, когда этот нарушитель порядка лежал на постели, в дортуар вошел архимандрит Феофан. Тот продолжал лежать, надеясь, очевидно, вызвать бурю гнева. Но архимандрит спокойно спросил его:

– Почему вы в неурочное время находитесь в спальне и, вопреки правилам, лежите на постели?

– Лежу, потому что хочу!

– Вы, может быть, больны? Но надо снять обувь...

– Мне так удобней... А о моем здоровье не беспокойтесь!

– Отчего вы так себя ведете?

– Как это «так»?!

– Вы отпустили лохматую бороду и такую же шевелюру!

– А вы для чего отпустили?

– Монаху так положено законом Церкви. Я и подчиняюсь закону и советую вам подчиняться общим для всех правилам.

– А я никаких правил и законов не признаю, кроме моего желания: хочу, и все!

– А вы подумали, что каждый истинный христианин не может рассуждать, как вы, он не имеет права следовать своему «хочу» и «не хочу», а только тому, что повелевает нам Бог, Господь наш Иисус Христос?!

После этих слов наступило молчание, и архимандрит удалился. Грубиян, очевидно, ждал административных мер, чтобы прославиться как невинно пострадавший. Но таких мер не последовало.

В этом случае архимандрит Феофан проявил себя как подлинный, настоящий монах. Он снес дерзкую грубость вообразившего себя героем студента, отказался принять административные меры воздействия, даваемые ему положением инспектора Духовной академии, кротко принял вызывающее поведение дерзкого, ведь Господь Иисус Христос, Божественный наш Спаситель, сказал: *Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю* (Мф. 5, 5).

Рассказывая обо всем этом через много лет, архиепископ Феофан добавил:

– Что с таким человеком и в таком душевном состоянии говорить? С такими, как он, должна говорить гражданская власть свойственным ей «языком».

Другого языка они не признают и не понимают... Может быть, впоследствии Господь его и вразумил, и он понял свою ошибку.

Но если не понял и примкнул к революции, то он мог духовно погибнуть.

Розанов Василий Васильевич

Владыка Архиепископ как-то вспоминал и об одном молчаливом диспуте с известным философом-публицистом Василием Васильевичем Розановым. Когда тот посетил Владыку, Преосвященный собирался погулять на свежем воздухе в саду академии.

Владыка любил гулять в этом саду, когда его ум и сердце были заняты лишь молитвой Иисусовой. Поскольку гость был знаком ему и прежде, он пригласил того погулять на воздухе в редкий для столицы погожий день. Философ совершенно неожиданно вдруг начал очень возбужденно и громко обличать монашество. Владыка в ответ молчал, не отвлекаясь от молитвы. Тогда Розанов продолжил свои обличения. Потом, немного подождав и не услышав возражений, призадумался. Прошлись еще немного. Спорщик продолжил, но уже медленней и тише, заглядывая в глаза Владыке, но так и не разгадал, какое впечатление производят его пассажи, так как Преосвященный молился, опустив глаза долгу. Далее Розанов стал терять нить своих размышлений, повторяться. Владыка Феофан по-прежнему молился молча. Наконец гость остановился, посмотрел долгим взглядом на Владыку и тихо-тихо, как бы самому себе, неожиданно сказал: «А может быть, Вы и правы!»

Умный человек, он сам почувствовал слабость своих мыслей.

Валаам. Старец Алексей. Об исповеди

В душе владыки Феофана особое место занимал Валаамский монастырь. Он любил святой Валаам и часто с теплотой говорил о нем.

Суровая и величественная природа Спасо-Преображенского монастыря, одного из древнейших на Руси, расположившегося на островах огромного, как море, Ладожского озера, была мила его сердцу. Монастырь появился еще в те времена, когда вся окольная земля была языческой. Суровый северный климат Богом был создан для аскетов-подвижников. К монастырю относятся несколько скитов, а также хижины отшельников.

Трогателен здесь монастырский суровый обычай вселения в отшельничество. Когда монах изъявляет желание вести совершенно одинокий, безмолвный образ жизни, признается способным к этому и получает благословение игумена, ему дают топор, пилу, гвозди, мешок сухарей и отвозят на необитаемый остров. Там он сооружает себе хижину для молитвы и сна, как бы гроб, в котором и подвизается до смерти. Пищу ему, сухари, привозят на лодке из монастыря. При этом не произносят ни слова, ибо он дал обет Богу умереть миру и жить лишь о Господе.

Валаам, 30-е годы XX века

В годы своего двадцатилетнего пребывания в Петербургской Духовной академии владыка Феофан часто уединялся на Валааме. Вспоминая о своих путешествиях, он говорил: «Как только попадешь на пароход, доставляющий богомольцев в обитель, так уже начинаешь себя чувствовать, будто в монастыре. Это прежде всего потому, что вся команда на пароходе – монахи, все совершается с благословения и с молитвой». И еще вспоминал Владыка: «Служба в храме кончается, и я прежде отпуска выхожу из храма, чтобы не смущать монахов и богомольцев своим присутствием. А то ведь, как к епископу, все молящиеся начнут

подходить под благословение. А я выйду быстро из храма и уйду в лес. А в лесу благодатная, неопишуемая красота. Молитвенная тишина, как в храме Божием... Господи, какое это дивное наставление к молитве непрестанной. Действительно, сама неодушевленная природа говорит о Великом Творце своем, о Боге.

Ибо воистину по величию и красоте созданий познается Он, Виновник и Создатель бытия их (См.: Прем. 13, 5)».

Однажды в девственном и молитвенном валаамском лесу, в этом нерукотворном храме Божием, привелось владыке Феофану пережить нечто дивное, благодатное.

Валаам

Вышел он, как обычно, из монастырского храма и уединился, чтобы всецело отдаться той радостной, благословенной молитве, которая совершается, по милости Божией, втайне. Но вскоре он заметил большую безмолвную толпу народа со старцем иеросхимонахом Алексием, на которого было возложено игуменом послушание поучать народ беседами вне храма. Увидя это, Владыка пошел в сторону и думал, что больше не встретится с этой толпой. Но оказалось, что и старец вел богомольцев в ту же сторону. Тогда он решил пропустить шествие мимо, а потом самому уйти в противоположную сторону. Владыка находился в чаще и оттуда наблюдал прохождение богомольцев. Впереди шел старец на большом расстоянии от народа, а за ним шли богомольцы, в большинстве своем – женщины. Иеросхимонах двигался, склонив голову к земле, занятый, по уставу монашескому, непрестанной молитвой. У епископа непроизвольно вдруг промелькнула мысль: «Ах, напрасно иеросхимонах Алексей окружает себя этими женщинами, да все молодыми. Нарекания могут быть...»

«Но не успел я, – вспоминал позже Владыка, – этого подумать, как старец поднял голову и, повернувшись в мою сторону, громко сказал, почти выкрикнул: “И за Христом ходили!...”»

По неожиданности и краткости произнесенных слов никто не мог понять в народе их смысла и к кому они относились. Хотя вся толпа слышала эти слова и взглянула в сторону

Владыки, но его за густой чащей нельзя было видеть. А старец снова опустил голову и погрузился в заповеданную Господом непрестанную молитву.

Валаам. Поклонный крест у причала Воскресенского скита

«Воистину старец Алексей был великий святой и дивный прозорливец, – свидетельствовал владыка Феофан, – он был так красив, как Ангел Божий. На него порою было трудно смотреть, он весь был как бы в пламени, особенно когда стоял на молитве в алтаре. В это время он весь преображался, его облик становился непередаваемо особым, крайне сосредоточенным и строгим. Он, действительно, был весь огненный. Но миру он остался почти неизвестен, потому что мир был недостойн».

Если старец чувствовал, что присутствующие в алтаре невольно наблюдают за ним и за его молитвою, он старался скрыть свое состояние неким юродством. Он в этом случае обычно подходил к стене и, выдавая себя за рассеянного богомольца, по тени своей на стене поправлял и приглаживал на голове волосы.

Владыка Феофан рассказывал о духовной прозорливости дивного старца Божия Алексея. В то время он, молодой иеромонах Феофан, профессор академии, отправился из Петербурга в Валаамский монастырь по некоей духовной необходимости. Его беспокоила мысль: в аскетических правилах Святых Отцов монаху предписывалось как можно меньше уделять

внимания своей внешности. Но Церковь благословила ему быть ученым монахом и жить и спасаться в миру. Но, живя в миру, невозможно забыть свою плоть и не заботиться о внешности... С этим и вошел будущий владыка Феофан в келлию старца Алексия. Ему он собирался рассказать и ожидать решения, которое, как отец иеромонах был совершенно убежден, будет и ответом Божиим на поставленный вопрос. И вера эта не была посрамлена.

Валаам. Лесная Псалтирь

Отец Феофан не только получил ответ, но получил с удостоверением, что такова именно воля Божия.

Старец, как всегда, принял иеромонаха очень и очень радушно. Усадил его и попросил минуточку подождать.

Сам же взял зеркало, поставил его на стол, за которым сидел отец Иеромонах, взял гребень и старательно причесался. После этого он все убрал со стола и, обратившись к отцу Феофану, сказал: «Ну а теперь уже будем разговаривать!»

Так, безо всяких слов, старец Алексей дал ответ на незаданный еще вопрос, с каким отец иеромонах и профессор академии прибыл в обитель Валаамскую и вошел в келлию Старца.

Валаам. Молебен на пароходе

Говоря о насельниках Валаамской обители, владыка Феофан умилялся всегда тому, что старые монахи называли кипяток, который можно было получить после обеда, «утешением». На монашеском языке утешением называется послабление каждодневного поста в праздничные дни.

Но не сразу привел Господь душу Владыки к опытному духовному руководителю, к истинному, благодатному, святому старцу, каким был иеросхимонах Алексей. В начале своего пребывания в Петербурге студент Василий Быстров пользовался советом духовника, которого, по рекомендациям других, избрал среди монашествующих Александро-Невской Лавры. Однажды, по действию диавола, случилось немалое искушение.

Когда Василий пришел в Лавру на исповедь к тому иеромонаху, он оказался нетрезвым. Василий же этим не смутился и, как ни в чем не бывало, исповедался, взял благословение и спокойно ушел. Когда в следующий раз он пришел к этому иеромонаху, тот поклонился ему до земли и просил прощения. При этом монах воздал должное Василию за правильное отношение к случившемуся, за то, что он не смутился и не осудил его. Все получилось неожиданно и для самого Духовника. Он не знал слабости своего организма и опьянел от малого. А молодой человек проявил мудрость Святых Отцов, мудрость Евангельскую, памятуя о том, что на исповеди человек предстоит пред Господом, а не пред человеком.

Иеросхимонах Алексей Валаамский (Блинов). 1852–1900

В этом отношении примечательно воспоминание одного человека, которому посчастливилось побывать на исповеди у самого архиепископа Феофана: «Я стал пред аналоем в углу его келлии. На аналое – святой крест и Евангелие. Архиепископ прочел молитвы перед исповедью, и, когда настало время мне говорить свои грехи, его не оказалось рядом со мною, как это бывает обычно во время исповеди. Я невольно оглянулся. Он стоял в противоположном углу. И понял я, что Архиепископ оставил меня пред крестом Христовым и Святым Евангелием. Этого понимания, видимо, и желал Владыка, ясно показывая, что исповедываюсь я перед Самим Богом».

У владыки Феофана все, что мы привыкли воспринимать механически, по традиции, без значения и внутреннего смысла, оживало и получало свой изначальный духовный смысл.

Старцы. Старцы Варн и Исидор Гефсиманс:

С юных лет будущий Владыка искал духовного совета у опытных, по слову Святых Отцов. Вначале это были просто духовники, а затем, по окончании академии и принятии монашества, он руководствовался в своей духовной жизни благодатными, духоносными старцами.

По каждому важному вопросу обращался Владыка к ним и находил у них с избытком то, что искал. Любовь к старцам он всячески прививал и студентам академии. Но язык старческого иносказания не всегда был понятен им. Так, однажды, по совету владыки Феофана, студенты отправились к одному старцу, несомненно благодатному

и широко известному. Пришли они к нему, а он в это время мыл пол в своей комнате. И большая лужа воды была на полу. Конечно, старец провидел, что к нему идут «гости», и, чтобы показать им самим их духовное состояние,

за минуту до их прихода занялся мойкой пола. Студенты не поняли тогда этой притчи и, разочарованные, вернулись.

«Не поняли они языка старческого, – сожалел владыка Феофан, – не поняли они того, что он хотел им сказать и показать. Ведь они пришли к нему с высоким мнением о себе, что “мы, мол, – академики”. А знаменитый духоносный старец, к которому съезжались со всех сторон большие люди за духовным советом, показал им, прежде всего, свое собственное смирение тем, что мыл в своей келлии пол. И если бы эти молодые и здоровые люди бросились помогать удрученному годами и подвигами старцу и, в первую очередь, убрали бы большую лужу воды, которая, кстати говоря, мешала им подойти к старцу, чтобы принять от него благословение, они бы отгадали, счастливо для себя, то мудрое “слово”, которое без слов хотел преподать им великий старец. И при этом, с другой стороны, он им показал их собственное состояние, высокое мнение о себе, гордость – “как это мы будем ему мыть пол?” Но может быть, позже они поймут это старческое иносказание».

Гефсиманский Черниговский скит

Владыка Феофан часто ездил к старцам не только на Валаам, но и в Гефсиманский скит Троице-Сергиевой Лавры.

Этот скит основан был знаменитым Филаретом (Дроздовым), митрополитом Московским.

В начале XX века в этом скиту подвизались два благодатных старца – отец Исидор и отец Варнава. Старцы эти были нрава противоположного. Отец Варнава был очень строгий, сама ревность о Господе, а отец Исидор, напротив того, был благостный, очень смиренный и бесконечно милостивый. Возле него всегда ютились всякие бродяги и пьяницы... И всех он кормил. Старцу Исидору делались неоднократно строгие замечания по этому поводу и прямо запрещалось кормить этот, по сути, жалкий, погибающий люд. Но милостивый Старец жалел их и тайно продолжал кормить. Однако случилось так, что один из бродяг, по прозвищу Федька Каторжный, всегда подвыпивший, по дьявольскому наущению пытался зарезать своего кормильца.

Преподобный Варнава Гефсиманский

К счастью, это произошло на глазах у многих богомольцев. Они заступились и спасли от смерти блаженного старца. Федьку судили. Вызвали и старца Исидора как пострадавшего. И судья спрашивает его:

– Расскажите, пожалуйста, отец, как все было?

– А что было?

– Да этот преступник хотел Вас зарезать?! Вот и нож, который у него из рук выхватили!

– Да что Вы пристаёте к человеку? Он и не думал, и не хотел меня зарезать.

– Да как же не думал и не хотел?! Ведь он бросился на Вас с ножом. Сколько свидетелей есть, и все как один одно и то же свидетельствуют против него.

– Да что Вы к нему пристали? Ведь он был пьян и ничего не помнит... Отпустите его, отпустите!

При этом старец заявил, что если Федьку не отпустят, то он уйдет из скита – «от такого позора и великого греха», что из-за него «осудили человека». И пришлось отпустить преступника, потому что Старца очень ценили и не хотели с ним расставаться. Сам Федька после этого плакал и просил прощения у старца Исидора. А Старец всем рассказывал после, самоукорительно качая головою:

– Я под суд попал... Меня-то судили. Вот какой грех!

Случалось, что старец Исидор направлял своих посетителей к старцу Варнаве, когда надо было хорошенько пробрать, чтобы человек пришел в чувство своей греховности. Посетитель не успевал и слова вымолвить, а Старец наперед уже знает:

– А Вам, по Вашей нужде, непременно надо пойти к старцу Варнаве. Он Вам поможет. А мне это не дано...

– Да нет, батюшка, я хотел бы к Вам!

– Нет, нет! Господь благословляет к отцу Варнаве. Идите с миром! И скажите ему, что я Вас прислал к нему за наставлением... Так надобно... Это – воля Божия!

Владыка Феофан говорил, что старцы Варнава и Исидор дополняли друг друга, и поэтому между ними была большая духовная дружба и любовь.

С.М. Труфанов (отец Илиодор)

Среди студентов Санкт-Петербургской Духовной академии был монах Илиодор, служивший позднее в Царицыне. Отличался он духовной пылкостью и повышенной ревностью. А о таковых Святые Отцы предупреждают, что они легко могут попадать в прелесть духовную, в духовное самообольщение. Это происходит оттого, что они, по самоуверенности и самонадеянности, начинают подвизаться более должного смирения, уповают на свои силы, а не на Господа. И Господь попускает им, а вернее сказать, и всем нам, дабы вразумить нас и смирить, попасть в эту духовную болезнь высокого о себе мнения и мечтания. А это – начало всех страшных бед, ибо Писание говорит: *Погибели предшествует гордость, и падению – надменность* (Притч. 16, 18).

И вот с этим монахом пришлось владыке Феофану немало помучиться. По смирению своему Владыка не надеялся на себя, пригласил отца Илиодора поехать к Старцу, чтобы Старец, по данной ему благодати, направил его жизнь духовную по верному пути... Собрались. Садись на поезд на маленькой пригородной станции. Владыка, дабы не дать лишнего повода монаху к разговору, отошел от него и, по монашескому правилу держать ум к Богу, занялся внутренней молитвой. Но, взглянув в сторону отца Илиодора, увидел, что с ним что-то неладно. Около него вертелся как юла какой-то смуглый мальчуган, очень похожий на цыганенка. Мальчик выделял ногами и руками что-то, как бы плясал. «Да откуда он взялся, этот цыганенок!» – мелькнула мысль у владыки Феофана. Отец Илиодор пристально смотрел на мальчика и, казалось, весь был поглощен им. Владыка позвал монаха по имени: «Отец Илиодор, отец Илиодор!» Но тот не слышал. После оклика этот непонятный «цыганенок» начал еще быстрее, как юла, плясать вокруг него.

Иеромонах Илиодор, в миру С. М. Труфанов

Отец Илиодор напряженно следил за ним. Владыка снова позвал его, но тот опять не слышал. Владыка подошел к нему и увидел, что тот вне себя, поглощенный вниманием к непонятному мальчугану. «И откуда он появился?!»

Тогда владыка Феофан взял его за рукав рясы и потянул за собою. Только таким образом удалось отвести его в сторону. А отец Илиодор, растерянный, беспомощный, сам не свой, побледнел, изменился в лице. Владыка спрашивал его, в чем дело, но он только водил испуганно глазами и ничего сказать не мог... А «цыганенок» тот бесследно исчез, как сквозь землю провалился...

Все это было очень и очень странно. Только потом уже стало ясно, что это было какое-то необъяснимое, но сильнейшее бесовское наваждение. Редчайший случай: днем, на людном месте, на перроне, при народе.

Это чрезвычайное происшествие на пути к Старцу не предвещало ничего доброго для отца Илиодора. Обо всем происшедшем владыка Феофан рассказал Старцу в присутствии отца Илиодора. Но сам отец Илиодор был в особом состоянии, то ли подавлен случившимся, то ли поглощен, оставался совершенно безучастным к тому, что говорил Владыка, как будто бы это его не касалось. И даже слова Старца не затронули чувств отца Илиодора. Он остался

замкнутым в себе. Старец говорил о величии Божиим и о ничтожестве и греховности человеческой. О том, что единственный путь к Богу – это путь смирения. Но монах Илиодор не слышал. Так владыка Феофан и монах Илиодор без видимых результатов вернулись в Петербург. И здесь только отец Илиодор начал постепенно приходить в себя. Но и снова произошло с ним нечто маловероятное.

По совету Старца Владыка не выпускал из виду отца Илиодора. Они вдвоем, и с ними еще мальчик-послушник, пришли после Литургии на квартиру Владыки в здании академии. Час был около полудни. Преосвященный прошел к себе наверх, а они остались в нижней половине... И вдруг они видят в глубине зала трех великанов, с искаженными злобою лицами, вооруженных дубинами. Обращаясь к отцу Илиодору, потрясая дубинами, они яростно кричали: «Мы тебе покажем! Мы тебе покажем!»

Отец Илиодор

До крайности перепуганные отец Илиодор и мальчик-послушник вбежали в кухню и заперли за собою двери. Мальчик схватил длинную кочергу и, в испуге, начал бить в нижнем этаже стекла, чтобы позвать на помощь. Преосвященный – сверху, другие – снизу поспешно вбежали. На претерпевших не было лиц. Мальчик сразу убежал домой, к родителям. Владыка Феофан постарался успокоить отца Илиодора. Он говорил о том, что в монашеской жизни надо быть всегда готовым к подобным переживаниям. Это бесовские козни. Бесам нельзя верить ни в чем. Будучи немощными, они принимают вид гигантов, чтобы напугать. То, что произошло среди бела дня в покоях владыки Феофана, Святые Отцы называют бесовскими страхованиями, бесовскими запугиваниями, когда демоны пытаются запугать подвижающегося, чтобы он отказался следовать подвижническим путем. Для этой цели они обычно принимают устрашающий, грозный вид, как в данном случае – огромных, многомощных великанов, будучи, по существу, малосильными, но очень коварными и злыми. И привидение в образе трех великанов, по хитрости их, преследует не одну, а несколько целей. Приняв грозный вид, они свое действие сообразуют с духовным состоянием искушаемого. Мальчика

они просто запугали, и, возможно, он откажется в последующей жизни идти монашеским, подвижническим путем:

«Уж очень страшно!» Но главный прицел их козней был направлен на отца Илиодора. Его им надо было выбить из колеи подвижнической. И он, несомненно, был испуган, и это произошло на глазах епископа Феофана, как и в первом случае, с «цыганенком».

Отец Илиодор окончил Духовную академию иеромонахом. В глазах простого народа он быстро приобрел широкую известность своими пламенными проповедями и речами. К нему стекались огромные толпы. Простой народ считал его своим вождем.

И под влиянием этого он все более и более предавался погибельной гордости. В конце концов он дерзнул самовольно надеть белый митрополичий клобук и появляться так перед народом, верхом на белом коне. Дойдя до такого, он отваживался «творить» свои «великие чудеса». Так, на Волге он объявил народу: «На этом месте мы в три дня воздвигнем Божий храм... Пусть каждый из вас принесет сюда по одному кирпичу.

Ведь нас здесь тысячи! И из этих всенародных кирпичей мы, с Божией помощью, нашими руками и воздвигнем здесь великий храм...»

Здесь намек на слова Евангельские (см.: Ин. 2, 18–21).

У Илиодора была горделивая мысль: я сделаю то, что и Христос сделал.

Отец Илиодор в хитоне – в качестве «царя Галилейского»

Небывалое воодушевление охватило толпы народа. Несли не только по одному кирпичу, а везли на подводах и весь необходимый материал для постройки храма...

Работа закипела. Руками народа творилось небывалое чудо. В три дня храм был готов. Самозванный «митрополит» Илиодор торжественно его «осветил» и совершил в нем благодарственное моление.

Во всем этом была глубокая прелесть духовная.

Он, видимо, мечтал остановить своими руками начавшееся революционное брожение в России. Но от этого предостерегал еще святитель Игнатий (Брянчанинов): «Необходима осторожность от всякого увлечения разгорячением совершить дело Божие одними силами человеческими, без действующего и совершающего Свое дело Бога... Отступление попущено Богом: не искусь остановить его немощною рукою твоею...» («Отечник».

Епископ Игнатий (Брянчанинов). Фототипическое издание, 1963, с. 549).

Кончилось это все для отца Илиодора более чем печально. Он отрекся от священного сана, снял монашество и женился...

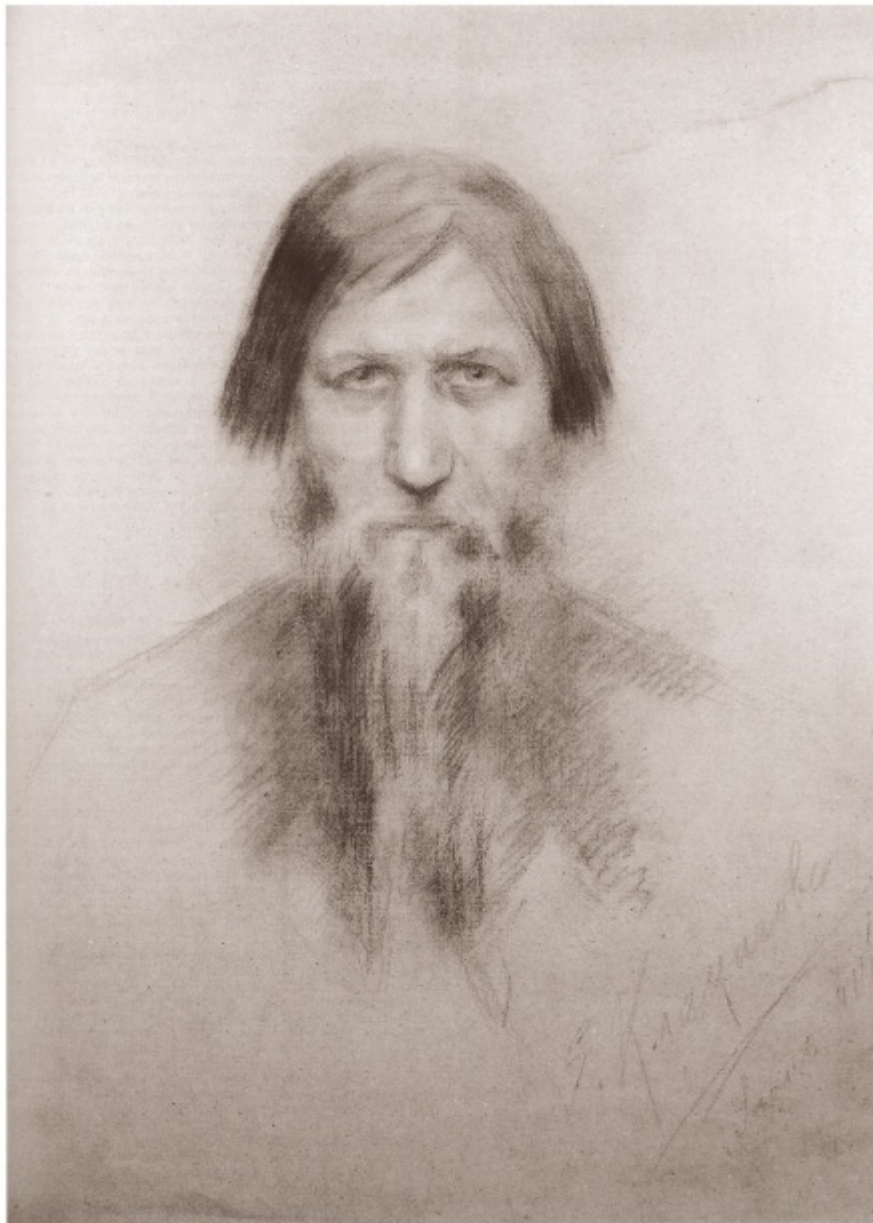
Сергей Михайлович Труфанов, таково мирское имя отца Илиодора, находясь в духовной прелести, наделал много безрассудных поступков. Он создал свою церковь «Солнца и разума».

Позже архиепископ Феофан получал от него из Америки, как от Сергея Труфанова, письма, когда уже и сам был в эмиграции. У него было семеро детей. Он осознал и оплакивал свой великий грех. Он писал: «Я сознаю мои непростительные грехи перед Святою Церковью и лично перед Вами и прошу, умоляю Ваше Высокопреосвященство помолиться обо мне, погибающем, чтобы принести Господу сокрушенное покаяние и избавиться от обольщения, в каком я находился!»

Было ли это искреннее покаяние, мы судить не можем, мы знаем лишь то, что Сергей Труфанов скончался в 1952 году, будучи баптистом и работая уборщиком в одной страховой фирме, в возрасте семидесяти одного года.

Григорий Евфимович Распутин

Богоборческая власть, по попущению Господнему установившаяся в России в начале двадцатого века, как бы в подтверждение в очередной раз слов Писания, что *весь мир лежит во зле* (1 Ин. 5, 19), оболгала старательно имя России православной, оболгала ее устои: Православие, Самодержавие и Народность; не обошла, конечно, своим недобрым вниманием и светлого имени архиепископа Феофана (Быстрова), духовника Августейшей Семьи, а также имен и памяти всех людей, так или иначе связанных с Самодержцем. Особое место среди этих людей занимает, быть может, более других оболганный Григорий Евфимович Распутин.

Представление, которое сложилось в мире о Распутине, – всего лишь карикатура на реального человека. Нам известно довольно немного сведений о его ранних годах, его молодости, но и они настолько перемешались с легендами, что едва ли могут быть восприняты как факты. Поэтому представляется нужным сохранить лишь те,

которые важны и, вместе, правдоподобны. Распутин стал центральной фигурой некоей истории, которую мир давно принял за правду. Все написанное об этом человеке настолько

преувеличено и запутано, что людям теперь уже практически невозможно отличить факт от фикции.

Первая встреча Царской Семьи с Григорием Распутиным была отмечена следующей записью в дневнике Царя:

«1-го ноября 1905 г. Вторник.

В 4 часа поехали на Сергиевку. Пили чай с Милицей и Станой.

Познакомились с человеком Божиим – Григорием из Тобольской губ.»

В своих воспоминаниях князь Н.Д. Жевахов дает описание, что значит в действительности это наименование, «Божий человек»: «Наряду с официальным старцем, живущим по монастырским уставам, в России существует другой религиозный тип, Европе неизвестный, так называемый Божий человек... В отличие от старцев, Божьи люди редко живут в монастырях, странствуя с места на место, проповедуя волю Господа и призывая людей покаяться. Их не встретить среди монашества и священства, но, подобно старцам, они ведут суровый, аскетический образ жизни и пользуются сравнительным моральным авторитетом» (с. 265–266).

В 1900 году Григорий отправился в паломничество, которое длилось три года. Свое странствие он начал дорогой в Киев, древним монастырям и знаменитым пещерам которого веками поклоняются паломники. На обратном пути остановился в Казани. «Именно в Казани родилась слава Распутина», – свидетельствует Спиридович («Распутин». Париж, Пайо, 1935, с. 38). Духовные круги Казани видели в нем набожного человека, обладающего большим духовным даром. Впоследствии они и представили его иерархам в Санкт-Петербурге. Еще в Киеве Григорий Распутин на подворье Михайловского монастыря познакомился с Великими княгинями Милицей Николаевной и Анастасией Николаевной. Григорий очень понравился им, и они пригласили его в Петербург.

Черногорки Великие княгини Милица и Анастасия

Великая княгиня Милица и ее сестра Анастасия, княгиня Лихтенбергская, были известны как Черногорские.

Милица была замужем за дядей Царя, Великим князем Петром Николаевичем, а Анастасия – за другим дядей Царя – Николаем Николаевичем. Черногорки были очень близки к Императрице, хотя вскоре стали сильно ревновать Анну Вырубову к Государыне из-за дружбы между ними, которая усилилась после развода Вырубовой с мужем в 1908 году. Их недовольство по отношению к Анне было неприятно Александре Феодоровне, и они были удалены от Двора. В течение некоторого времени они продолжали поддерживать хорошие отношения с Григорием Распутиным, но последний, в конце концов, вынужден был выбирать, чью сторону принять, и он, конечно же, принял сторону Императрицы (Фурман, с. 62. Спиридович, «Распутин», с. 69). После этого Черногорки выступили против него.

Священномученик епископ Гермоген (Долганов).

Митрополит Сергей (Страгородский)

Большинству биографов Григория Распутина не удалось понять главного в его жизни. Главным на пути Распутина к Богу было покаяние, и, видимо, именно покаяние было тем, что тронуло в нем двух наиболее выдающихся церковных подвижников Санкт-Петербурга, протоиерея Иоанна Кронштадтского и архимандрита Феофана (Быстрова). К нему были благорасположены епископ Саратовский Гермоген и тогдашний ректор Духовной академии епископ Сергей (Страгородский).

Многие из православного духовенства пытались в те годы возжечь огонь веры в прихожанах, особенно в лицах, принадлежавших к высшим слоям общества, ставших в последние лет двадцать пять безразличными в массе своей к вере и духовным вопросам и считавших

часто религию скорее вопросом «удобства», нежели иным. С тех пор как была упразднена духовная цензура и всевозможные книги с самым разным содержанием стали свободно распространяться по всей стране, давняя привязанность к Матери-Церкви становилась все слабее и слабее, пока, в глазах многих, Церковь не стала выглядеть просто некоей условностью, к которой светскому обществу должно приспособиться, но которая находится вне этого общества. Григорий Распутин появился как раз в тот момент, когда иерархи Церкви искали такого человека. Иерархи были обеспокоены тем, что Церковь теряет связь даже с простыми людьми, и Распутин казался идеальным человеком, способным помочь Церкви приблизиться к ней массы. Он толковал сложную истину и церковные догматы неожиданно и просто.

Начало — как Епископ
Святой Гермогену

Всего Св. Патриарху
Пресвященному Сара
товскому Гермогену
Якоже Владыка; Воспод
створяет иже, как Ар
хиепископу Смирненскому и
Государя Вел. Дер
зание благодарит
Подлинно Лодники
Григорий
Лодники Сергиев

Факсимиле святого праведного Иоанна Кронштадтского епископу Гермогену. 1908 год

Владыка Феофан по просьбе Императрицы съездил в Сибирь, чтобы самому узнать о прошлом Григория Распутина. Результаты его поездки не выявили ничего порочного. Однако спустя немного времени мнение его о Распутине, кажется, изменилось в соответствии с различными сообщениями и некоторыми исповедями, которые он принимая. В начале 1911 года епископ Феофан выступил перед Синодом с предложением официально выразить Императрице неудовольствие в связи с поведением Распутина. Отказываясь, епископы — члены Синода заявили ему, что это дело как раз лично для него как духовника Императрицы. Находясь в то время на кафедре в Крыму, он навещал Императрицу Александру Феодоровну, когда Царская Семья приезжала в свою летнюю резиденцию в Ливадии. Осенью 1911 года Владыка говорил с Государыней около полутора часов, и Государыня, как ска-

зал сам Владыка, «была очень обижена». Она, конечно, поняла, что Владыка слышал клевету, распространяемую не только революционерами, но даже и людьми, близкими к Престолу.

Старец Макарий, епископ Феофан, Григорий Распутин в Верхотурском монастыре

Родная сестра Царя Великая княгиня Ольга Александровна писала: «Важно помнить, что Ники и Алике прекрасно знали о прошлом Распутина. Совершенно неверно говорить, что они считали его святым, не способным на грех. Я говорю это опять, и я имею право так говорить: они не были одурачены Распутиным и не имели ни малейших иллюзий на его счет. К несчастью, люди не знали правды, но ни Ники, ни Алике из-за своего положения не могли бороться с распространявшейся ложью» (Иан Воррес. «Последняя Великая княгиня, Ее Императорское Высочество Великая княгиня Ольга Александровна». Нью-Йорк, с. 132).

Хотя Августейшая Семья и сохранила горячую личную приязнь и расположение к владыке Феофану, он был переведен из Крыма в Астрахань осенью 1912 года, дабы, по-видимому, избежать неловких ситуаций при официальных встречах с Царской Семьей во время их визитов в Ливадию. Слухи о том, что Государыня, проявляя свое неудовольствие, в виде наказания перевела его, представляются неверными, оцениваемые по прошествии времени от аудиенции Епископа у Государыни и его фактического перевода в Астрахань.

Великая княгиня Ольга Александровна

В 1913 году он вернулся в центральный регион Империи Архиепископом Полтавским и Переяславским.

Архиепископ Феофан всегда защищал доброе имя Государыни Императрицы Александры Феодоровны.

Когда позже, уже при Временном правительстве, был поднят официальный вопрос о Григории Евфимовиче Распутине и Царской Семье, тогда хотя и лишенной свободы, но еще здравствующей, вполне естественно, что одним из мероприятий эсеровского Временного правительства

было тщательное расследование всего, что касалось Царственной Семьи Романовых. Была образована специальная Чрезвычайная комиссия Временного правительства. Ее представители посетили архиепископа Феофана в Полтаве. Они были предварительно осведомлены об официальном разговоре Преосвященного Феофана с Государыней о Григории Распутине в 1911 году. Высокопреосвященнейший архиепископ Феофан со всею категоричностью заявил следующее: «У меня никогда не было и нет никаких сомнений относительно нравственной чистоты и безукоризненности этих отношений. Я официально об этом заявляю, как бывший духовник Государыни. Все отношения у нее сложились и поддерживались

исключительно только тем, что Григорий Евфимович буквально спасал от смерти своими молитвами жизнь горячо любимого сына, Наследника Цесаревича, в то время как современная научная медицина была бессильна помочь. И если в революционной толпе распространяются иные толки, то это ложь, говорящая только о самой толпе и о тех, кто ее распространяет, но отнюдь не об Александре Феодоровне...»

Государыня Императрица Александра Феодоровна

Архиепископ Феофан заявил Чрезвычайной комиссии Временного правительства: «Он (Распутин) не был ни лицемером, ни негодяем. Он был истинным человеком Божиим, явившимся из простого народа. Но под влиянием высшего общества, которое не могло понять этого простого человека, произошла ужасная духовная катастрофа, и он пал. Окружение, которое хотело, чтобы это случилось, оставалось равнодушным и считало все происшедшее чем-то несерьезным».

Санкт-Петербургское высшее общество играло главную роль в этой печальной истории. Оно окружило сибирского крестьянина всевозможными соблазнами, сопротивляться которым он считал очень трудным. Используя его с целью приблизиться к Царской Семье и – более – с целью опорочить Ее, они действовали в высшей степени жестоко по отношению к нему.

Большой Ливадийский дворец

Многое написанное относительно представлявшейся аморальности Распутина, приписывающее ему различные падения, составляет, пожалуй, самую большую литературу на эту тему об одном человеке. Многое было придумано ради личных выгод и пустых сплетен, много недоброго окружало Государя. Наиболее бесчестными и злобными, да к тому же еще и пользовавшимися широким доверием, клеветниками Григория Распутина были князь Феликс Юсупов, организатор убийства Распутина, и Сергей Труфанов, бывший иеромонах Илиодор, пытавшийся шантажировать Императрицу Александру Феодоровну нелепым рассказом о ее мнимой связи с крестьянином, который столь горячо молился о выздоровлении ее ребенка. Когда же она не поддалась шантажу, Труфанов нашел в Нью-Йорке издателя, так же мало беспокоившегося о правде, как и сам автор.

Одно из наиболее интересных описаний России того периода можно найти в книге Жерарда Шеллея под названием «Пестрые купола: эпизоды из жизни англичанина в России». В этой книге автор рассказывает о своей встрече с Распутиным в апреле 1915 года. Он свидетельствует, как Григория постоянно подталкивали ко греху окружавшие его люди, которые сами давным-давно утратили всякую видимость приличия. Описания Ж. Шеллея своих встреч с Григорием Распутиным, равно как и с Императрицей Александрой Феодоровной, проливают новый и добрый свет на этот период русской истории.

Князь Феликс Юсупов

Княгиня Екатерина Радзивилл писала: «К несчастью, убийство Распутина не сломило людей, которые его использовали. Оно не положило конца многим злоупотреблениям, которые привели Россию к страшному состоянию хаоса, в котором она оказалась в момент своего величайшего испытания. Сам человек был лишь знаменем, и потеря знамени не означала,

что полк, который его нес, разделил его судьбу...» (Княгиня Екатерина Радзивилл. «Распутин и русская революция». Нью-Йорк, Лейн, 1918, с. 184–185).

Владыка Феофан никогда не называл Распутина по фамилии, но именовал лишь по имени-отчеству: «Григорий Евфимович» – или «старец Григорий».

Саров. Предсказания блаженной Паши Саровской

На обратном пути из Сибири епископ Феофан останавливался помолиться в Саровской обители. Извещенное телеграммой о его приезде начальство обители выслало встречать «придворного» Владыку на железнодорожную станцию светского человека, рассудив, что духовник Царской Семьи, вероятно, лицо более светское, чем духовное, дабы занять «столичного епископа» светским разговором. Но во все время поездки в экипаже епископ Феофан в ответ на все «светские разговоры» хранил молчание. И невдомек было обиженному встречающему, что Владыка был погружен в неизменную для него непрестанную молитву.

По приезде в обитель епископ Феофан попросил Игумена предоставить ему возможность помолиться наедине в келлии преподобного Серафима, в той самой, в которой святой Старец отошел ко Господу. Когда молился Владыка, никто не смел ему мешать. Но, спустя довольно продолжительное время, братия была встревожена тем, что Владыка долго не выходит. Наконец решились войти. И обнаружили епископа Феофана в глубоком обмороке. Владыка Феофан не считал нужным говорить о том, что с ним случилось. И это обстоятельство показалось всем «каким-то таинственным и непонятным». Однако несомненно, что святитель Феофан обращался с горячей молитвой ко Господу, к Пресвятой Богородице, к преподобному Серафиму. И кто знает, где была душа его в это время?

По смирению своему Владыка умолчал о происшедшем с ним во время моления в келлии преподобного Серафима, но он рассказывал позже о том, что произошло с ним в келлии блаженной юродивой Паши Саровской, проживавшей в Дивеевской обители.

Молодой епископ Симферопольский и Таврический Феофан был у блаженной в 1911 году. На нем не было епископского облачения, и сам он не открыл ей, что он архиерей. Но по ее дару прозорливости в этом необходимости и не было. Она и так знала, кто перед нею.

Дивная раба Божия произнесла два пророчества.

Одно касательно Царской Семьи, чрезвычайно важное для России, а другое имело личное значение для владыки Феофана. Старица – Христа ради юродивая – говорила мало, но владыке Феофану было дано узнать тогда многое.

Преподобный Серафим Саровский

Блаженная вдруг вскочила на скамейку, схватила портрет Государя Императора Николая II Александровича, висевший на стене, и швырнула его на пол. Затем быстро схватила портрет Государыни Императрицы Александры Феодоровны и также швырнула его на пол. Затем приказала келейнице вынести портреты на чердак.

Это было за шесть лет до государственного переворота 1917 года.

Возвратившись в Таврическую (Крымскую) епархию, Владыка счел необходимым довести до сведения Августейшего Монарха то, что открыл Господь блаженной Христа ради юродивой Паше Саровской и что она предрекла без слов.

«Когда я, – вспоминал владыка Феофан, – пересказывал Государю все действия блаженной, Государь стоял молча, наклонив голову. Он ни слова не сказал по поводу сообщенного мною. Ему, видимо, было очень тяжело слушать это пророчество прозорливой. Только в самом конце он поблагодарил меня. И это провидение дивной рабы Божией, данное ей Самим Богом, сбылось через шесть лет».

Этим страшным предсказанием блаженная повторила пророчества преподобного Серафима Саровского, старцев Оптиных, глинского старца схиархимандрита Илиодора, прозрения отца Иоанна Кронштадтского и другие предсказания прозорливцев российских, уже известные Государю. Второе предсказание дивной рабы Божией блаженной Паши Саровской относилось лично к владыке Феофану.

Блаженная бросила какой-то комок белой материи на колени Преосвященному. Когда он развернул, это оказался саван покойника.

«Значит – смерть!.. Но да будет воля Божия!» – подумал Владыка.

И. Репин. Портрет императора Николая II на крыльце. 1896

Но в этот момент Паша подбежала и выхватила саван из рук. При этом она быстро как бы бормотала: «Матерь Божия избавит!.. Владычица Пресвятая спасет!»

Паша Саровская

Это предсказание о смертельной болезни владыки Феофана и о милости Божией, явленной по молитвам Пресвятой Богородицы, сбылось спустя много лет, когда Владыка жил в одном из монастырей в Югославии.

На Симферопольской и Астраханской кафедрах

В 1910 году заботами Царского Семейства Владыка из Петербурга был переведен в Крым, на Симферопольскую кафедру, так как его слабому здоровью не подходил климат Северной столицы, с дождями и туманами. Он с облегчением расстался с Петербургом и переселился в солнечный Крым. Августейшее Семейство бывало здесь часто. Пребывание владыки Феофана в Крыму было наивысшим выражением непосредственной близости к Августейшему Семейству. Так, например, он рассказывал, как Царские Дети приносили ему собранную ими лесную ягоду, «такую душистую», и как маленький Наследник передавал ее ему из рук в руки. Он говорил о том, что из царских виноградников получал виноград на специальный курс лечения. Владыка часто пользовался царским автомобилем, чтобы побывать в горах, подивиться красотам природы Божией и подышать чистым, упоительным горным воздухом. Он жил в непосредственной близости от них, и они окружали его заботой.

Часто владыка Феофан вспоминал, как он служил Божественные литургии во дворце. Как Государыня с Царственными Дочерьми пела на клиросе. Пение это было всегда молитвенное, сосредоточенное.

Владыка говорил: «С каким возвышенным, святым благоговением они пели и как читали во время этой службы! Во всем этом был подлинный, высокий, чисто монастырский дух. А с каким трепетом, с какими светлыми слезами приступали они ко Святой Чаше!...»

Цесаревич Алексей Николаевич

Вспоминал владыка Феофан благочестие, веру самого Государя: «Каждый будний день Государь всегда начинал с молитвы в храме. Точно в восемь часов утра он входил во дворцовый храм. К этому моменту служащий священник уже предварительно совершал проскомидию и прочитывал часы. Со входом Царя священник делал возглас: “Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков”. И точно в девять часов

Литургия кончалась. При этом надо заметить, что не было каких-либо пропусков, сокращений. И не было впечатления, что священник или хор торопились.

Секрет был в том, что совершенно не было никаких пауз.

Это и давало возможность за один час окончить Обедню. Для священника это было неременным условием.

Государь всегда молился очень усердно. Каждое прошение ектеньи, каждая молитва находили живой отклик в его душе.

После богослужения начинался трудовой день Государя.

Царский автомобиль

Спустя несколько месяцев после высочайшей аудиенции у Государыни по поводу Григория Распутина архиепископ Феофан был переведен на Астраханскую кафедру. Распространились слухи о том, что Императрица была рассержена на Владыку и потому сразу удалила его из Крыма. Но владыка Феофан был назначен епископом Астраханским 25 июня 1912 года, спустя более чем полгода после его встречи с Императрицей Александрой Федоровной. Государь сам записал в своем дневнике о том, что принял Владыку спустя три дня после Пасхи, 28 марта/10 апреля 1912 года, во дворце в Ливадии: «Принял епископа Феофана в 12 часов».

Здесь, в Астрахани, в местности с резким континентальным климатом, с очень жарким летом и очень холодной зимой, Владыка получил сильно изнуряющую его малярию. Приступ начинался почти мгновенно, и если Владыка был на богослужении в соборе, он прятался в угол и часто терял даже сознание. Служба продолжалась, кризис проходил, и сознание возвращалось. Приступы бывали настолько сильными, что после он едва мог двигаться. Обострилась и давнишняя болезнь горла, начался туберкулез горла.

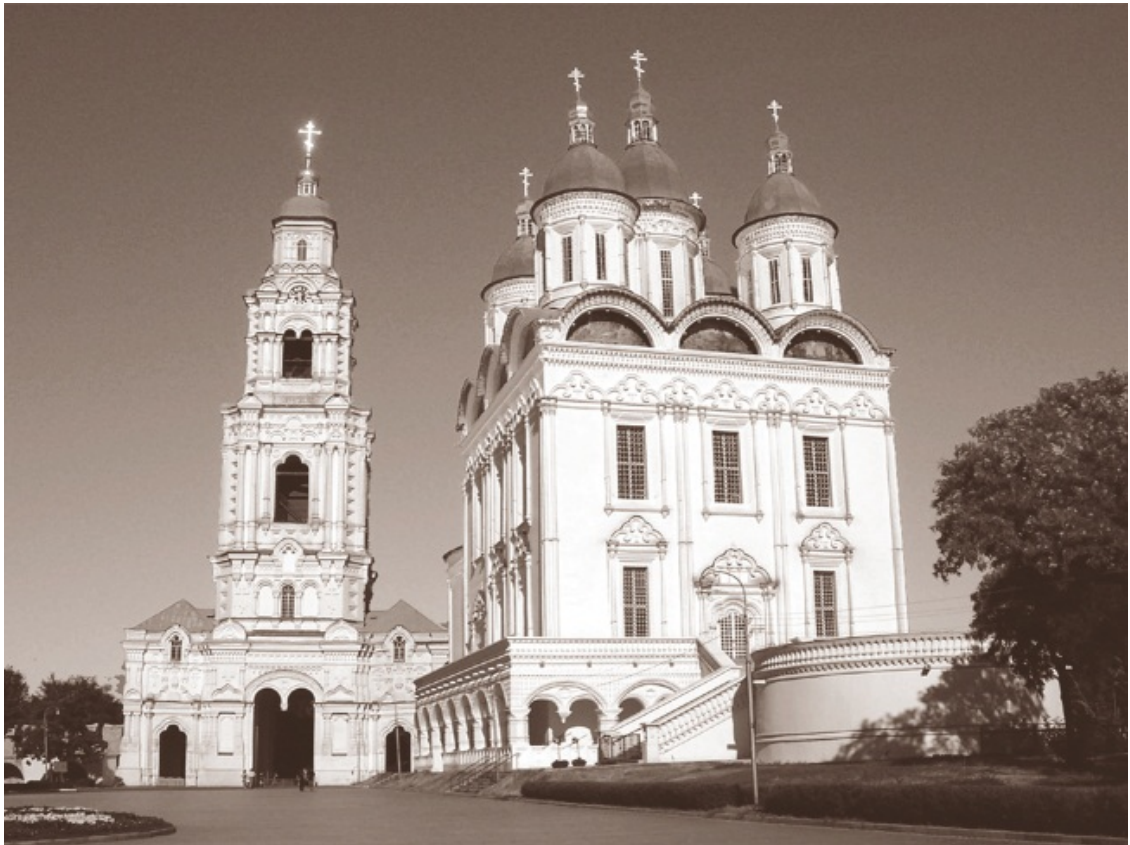

Царские Дети

В Астрахани произошел громкий случай со Святителем Христовым, слабым по телу, но сильным по духу веры. В день тезоименитства Государя Императора Николая Александровича Преосвященный Феофан, епископ Астраханский, вышел с духовенством для молебна о здравии Государя Императора на середину кафедрального собора. Но впереди Архиерея, ближе к алтарю, стоял какой-то, судя по одежде, магометанин, как выяснилось позже, консул Персии, в пышном наряде, с орденами и саблей, с тюрбаном на голове. Архиерей, бледный, немощный и больной, через диакона попросил консула отойти в сторону или встать вместе с официальными лицами, с генералитетом за кафедрой Архиерея. Консул остался на месте и ничего не ответил на просьбу Архиерея. Архиерей, подождав несколько минут, послал настоятеля собора с просьбой не стоять между алтарем и Архиереем с духовенством, отойти в сторону.

Консул ни с места. Архиерей ждет, не начинает официального молебна. А в соборе собрано все начальство губернии и города, все военные в парадной форме. На площади перед собором солдаты, выстроенные на парад.

Снова подходят к консулу и просят его отойти в сторону и не стоять между духовенством и алтарем, тем более в таком демонстративном наряде. Вместо ответа консул показывает на часы, а затем разъяренно говорит: «Передайте вашему Архиерею, что уже давно пора начать молебен, как и указано в официальном расписании, молебен о благоденствии Государя Императора. За задержку он, ваш Архиерей, за свое упрямство будет отвечать. На целых полчаса задержал молебен!»

Успенский кафедральный собор в Астраханском кремле

Когда епископу Феофану сообщили ответ консула, он попросил передать ему: «Задерживаете молебен Вы, а не я. И пока Вы не отойдете в сторону, молебен не будет начат». И после того, как слова Преосвященного Владыки были переданы консулу, тот демонстративно покинул собор, сверкая глазами и бормоча угрозы Архиепископу. Как только он сошел со своего места, Архиепископ слабым, болезненным голосом тихо произнес: «Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков!» Все молящиеся вздохнули с облегчением. Молебен начался, хор запел.

Владыка Феофан со своим учеником отцом Иоасафом (Скородумовым), будущим архиепископом Канадским, в Астрахани

А персидский консул в ту пору был очень влиятельным при дворе лицом. Политический курс тогда был на сближение с Персией.

И угроза его оправдалась. Он сразу же послал возмущенный донос на «дерзкого Архиерея, который сорвал молебен о благоденствии Государя Императора». Персидский дипломат не постеснялся изобразить поступок Преосвященного Феофана в самых черных красках, как сознательную политическую демонстрацию «ссыльного Архиерея». А немощный и больной епископ Феофан предал себя всецело в руки Божии и ждал царского гнева. Но вышло наоборот.

Государь и Государыня на случившемся убедились, что епископ Феофан действует невзирая на лица человеческие, так, как велел ему священный долг православного Архиерея.

Вскоре Преосвященный Феофан был переведен из Астрахани в Полтаву с повышением в звании: Архиепископом Полтавским и Переяславским.

Но до этого, в ожидании грозы из столицы, владыка Феофан сподобился благодатного видения за Всенощным бдением в храме.

Позже он вспоминал: «Такая скорбь была на сердце по поводу доноса персидского консула, а я – такой больной... И как-то, находясь на службе в соборе, я увидел на Горнем месте в древних блестящих доспехах святого великомученика Феодора Стратилата... О, Господи!

Святой великомученик Феодор Стратилат

Да какая же это была для меня радость! Как это поддержало меня! Вся печаль моя, немощь телесная вмиг исчезли. Я понял, что Господь одобряет мое стояние за Его Святую Истину и поэтому и послал мне, немощному, такого дивного в мужестве Великомученика... О, как меня все это ободрило и возвеселило!»

По поводу того, что произошло в Астрахани с персидским консулом в день Ангела Императора, в связи с его доносом Государю, некая прозорливая схимонахиня Евгения, старица, прикованная многолетним недугом к одру, писала владыке Феофану: «Вижу сон. Грозные, черные тучи заволокли все небо. Но вдруг появляется святитель Иоасаф Белгородский. Он читает длинную рукопись и разрывает ее. И в этот миг яркое солнце прорывается сквозь тучи. Они быстро исчезают, и только ласковое солнце приветливо светит с неба... Господу Богу слава!»

Когда Архиерей прибыл на вокзал и вошел в поезд, то у паствы, из любви к нему, сам собою получился отчаянный шаг: плачущий народ лег на рельсы и этим пытался воспрепятствовать отъезду. Люди лежали долго, пока не удалось призвать их к порядку.

Ясно было, что за этим переводом стояло Царское благословение епископу Феофану в связи с его исповеднической твердостью.

С неутешным плачем проводили христиане Астрахани своего Архиерея, подлинного Святителя Христова.

На Полтавской кафедре

Очень печальным было первое впечатление новоназначенного в Полтаву Архипастыря. Кафедральный собор при богослужениях был пуст. И Архипастырь обращается с усердной молитвой к Господу Богу, дабы Господь возбудил в его новой пастве ревность духовную, возжег в душах жажду покаяния.

И молитва Владыки была услышана. Храм наполнялся молящимися с каждым днем все больше. Молитвенная сосредоточенность Архиерея передалась духовенству. Народ сразу почувствовал это, люди стали усердно молиться. Огромное впечатление производили на верующих тихие проповеди Владыки, сказанные в пророческом духе, но не от себя, а от лица угодников Божиих, предвозвещавших о страшных событиях в России и в мире, которые наступят очень скоро. Слова владыки Феофана действовали, подобно ударам грома. Богослужения в Успенском кафедральном соборе в Полтаве преобразились.

Полтава

Здесь интересно сделать небольшое отступление, чтобы рассказать о том, как молился Владыка. Он тайные молитвы при богослужении читал невероятно быстро. На этой способности сказывался, видимо, навык непрестанной молитвы, совершаемой тайно в душе. Сослужащие священники не успевали прочесть тех же молитв, а Владыка уже давал знак следующего за молитвой возгласа. Особенно это выявлялось в первой части Литургии, в Литургическом каноне, где все молитвы и возгласы представляют собою единое целое. При этом Владыка бывал крайне напряжен и сосредоточен. Углубившись в молитву, он, видимо, не замечал времени, прочитывал тайные молитвы неимоверно быстро, как бы «одним вздохом», поскольку читал не столько слова, сколько мысль молитвы.

Главное внимание владыка Феофан обратил на архиерейский хор. Он подыскал особого регента, с детских лет певшего в хоре и понимавшего, каким должно быть церковное пение. Это был священник Виктор Клемент, который организовал архиерейский хор в пять-

десять человек, из тридцати мальчиков и двадцати взрослых. Помощником регента был диакон Никита Милодан, с исключительным по благолепию высоким тенором.

Но кроме архиерейского соборного хора, был еще иной, малый архиерейский хор, певший ежедневно в храме архиерейского дома, в Крестовой церкви. Этот хор состоял из семи человек, трех мальчиков, все – альты, и четырех взрослых. В этом храме службы совершались по монастырскому уставу. Владыка Феофан непременно присутствовал на службах, кроме воскресных и праздничных дней, когда он был в кафедральном соборе. В домовых церквях, как и в соборе, всегда было много молящихся.

Владыка Феофан обратил особое внимание на подготовку хористов. Для этого в епархии было организовано Певческое училище, в котором учились правильно, церковно петь с детского возраста. Ученики жили при архиерейском доме и были на полном обеспечении епархии. Общие науки они проходили по программе средних школ, но основное внимание уделялось церковному пению. Певчие обязаны были знать наизусть слова песнопения. Каждый закончивший училище прежде всего усваивал себе строгий вкус к выбору песнопений, а кроме того, получал запас знаний и практику управления хором. Детские голоса Полтавы считались лучшими в России.

Созданный владыкой Феофаном хор со временем стал выдающимся. И не только по технике пения – он доносил до молящегося истинный молитвенный дух Святой Церкви, а не «церковную музыку» по западному образцу. Все богослужение приобретало характер умирительно-молитвенный.

Архиерейский хор давал духовные концерты в некоторых городах Полтавской епархии. На одном из концертов присутствовал известный композитор. Он очень заинтересовался хором и пригласил к себе нескольких мальчиков-хористов. Когда мальчики пришли, он предложил им пропеть «в маску», ноты были без слов. Они начали, а потом остановились, говоря, что в хоре с них не требуют обязательно знать ноты, что они поют по слуху, а мелодию и слова носят в памяти. Композитор торжествовал, потирая руки, он повторял: «Поймал, поймал!.. Мальчики не знают нот!» Композитор открыл «крупный изъян» у великолепного хора. Но смотрел он с точки зрения профессионала, артиста, а не с церковной, религиозно-аскетической.

В России народ природно-музыкальный. Простые, не знающие нот люди прекрасно поют, пользуясь врожденным слухом. Они носят пение в себе, в своей музыкальной памяти. И церковное пение, церковные мотивы хранят в себе. Все в их памяти: и слова песнопений, и мелодии. Ночью и без света они пропоют песнопения с тем же успехом, что и днем. Внимание их приковано к богослужению, они, душою молясь, поют, а когда поют – молятся. Этого трудно добиться от артиста, поющего по нотам.

Композитор тот понять этого не мог. Но в справедливости нами сказанного можно убедиться, если слушать хор артистов, исполняющих церковное пение. С точки зрения музыкальной, они исполняют песнопение точно, но зачастую – холодно, не передавая того духа молитвы, который сокрыт в церковном песнопении. И наоборот, хор, состоящий из верующих, с точки зрения нотного исполнения во многом уступит им, но он передаст главное – дух молитвы. Поэтому и упрек маэстро в том, что «мальчики-хористы прекрасного хора поют по памяти, не зная нот», для этого хора совсем ничего не значил.

Трудами нового Архиепископа в короткий срок преобразился кафедральный собор с его богослужением, и паства ответила на эти заботы трогательной любовью и преданностью. Известно стало, что молитвами Владыки ко Господу совершались исцеления больных и другие благодатные знамения.

Успенский кафедральный собор в Полтаве

Добрый и снисходительный, он становился совсем иным, когда находился в алтаре: здесь он был строгим и суровым и внушал трепет. Однажды, при большом стечении причастников, некий А.П. вошел в алтарь вместе с церковными прислужниками, надеясь причаститься вне очереди. На всю жизнь он запомнил тот грозный шепот, с которым Владыка выпроводил его вон. Вся эта группа лиц очутилась позади всех в церкви, и они подошли самыми последними к Чаше. При домашнем разговоре Владыка запретил А.П. на всю его жизнь вхождение в алтарь. «Но я же не женщина», – попробовал он возразить. «А Вы, может быть, считаете себя лучше женщины?» – «А как же священник?» – «Да, священник такой же человек, как и все, но когда он предстоит Престолу в облачении в алтаре, тогда он равен ангелу. За свое предстояние при богослужении он несет великую ответственность». Владыка при этом запретил А.П. всякую мысль о священстве или монашестве. И это не потому только, что прошедшая его холостая жизнь была беспорядочной, и не в личное его осуждение, а потому, если вследствие его прошлой жизни к нему был бы открыт доступ со стороны темных сил, ему было бы не под силу отражать нападение.

Когда требовалось, Владыка проявлял большую строгость. При объезде им своей епархии священники современного типа боялись показываться ему на глаза. Такие всегда могли услышать: «А Вы, батюшка, не будете ли так добры съездить на месяц в такой-то монастырь!» Но говорил это очень мягко и деликатно, когда видел, что у священника борода и волосы слишком заметно коротко подстрижены или еще что-нибудь подобное.

Обычный день у владыки Феофана в ту пору в Полтаве распределялся так. Вставал он от сна во второй половине ночи и совершал свое молитвенное правило. Утром, по колокольному звону, он шел в домовую церковь, где очередной иеромонах совершал утреннюю службу и Божественную литургию. После Литургии Владыка пил кофе и удалялся в свой кабинет, где занимался епархиальными делами, а затем переходил к излюбленному чтению

Святых Отцов. Много писал. Пополудни – обед. Если позволяла погода, выходил кратко в сад и, гуляя, совершал непрестанную молитву Иисусову. Затем снова удалялся в кабинет.

По звону к Вечерне шел в церковь. После Вечерни – прием посетителей. Посетителей бывало так много, что Владыка очень уставал. После ужина – свободное время для беседований с причтом и кабинетной работы.

Успенский кафедральный собор в Полтаве

Обстановка его кабинета была самая простая. В углу стояла железная кровать с досками вместо матраца, на которой Владыка иногда немного спал. Было много икон, Владыка молился пред ними подолгу, со свечой в руке, несмотря на зажженные лампы. Трапеза его была самой простой, и ел он очень мало. Изредка выходил в сад подышать свежим воздухом. Когда сильно переутомлялся, изнемоги от приемов, уединялся на несколько дней в Лубенский Спасо-Преображенский монастырь. Отдохнув немного, снова принимался за тот же труд.

Однажды родители одного юноши, духовно близкие к архиепископу Феофану, пожаловались ему, что единственный их сын, которого они очень любили, совсем отбился от рук: домой приходит поздно ночью и не в трезвом виде. В церковь совсем забыл дорогу. (А ведь был такой богомольный мальчик!) И что с ним делать теперь? Родители просили молитв Владыки о погибающем.

И вскоре случилось так, что сын вернулся ночью сильно пьяным, буянил в доме, скверно ругался, а наутро не встал. Приключилась с ним какая-то непонятная для докторов болезнь. Он ничего не ел и не говорил, метался в постели как помешанный, сильно ослабел при очень высокой температуре. Родители потеряли уже и надежду на его выздоровление, они умоляли Владыку помолиться о нем.

Больной был без сознания, стонал, кричал, а потом пришел в себя, но и сам, по-видимому, уже отчаялся в жизни, поскольку не мог ни есть, ни говорить. И вот в таком состоянии он увидел то ли во сне, то ли наяву ка-кого-то монаха, который строго сказал ему: «Если не исправишься, не оставишь путь греха, которым ты идешь, то непременно умрешь и погибнешь!»

Больной со слезами обещал Старцу, что исправится. И после этого понемногу смог принимать пищу, а затем вернулась к нему и речь. Непонятная болезнь оставила его, и он начал быстро поправляться. И, как только встал на ноги, первым делом отправился в собор, горячо молился и со слезами каялся. А после службы со всеми богомольцами подошел под благословение Архиерея. И каково же было его изумление, когда в Архиерее он узнал того старца, который говорил с ним ночью и которому он дал обещание исправиться.

С той поры юноша исправился и бывал часто у Владыки, благодарил его за его святые молитвы, плакал и умолял простить и снова давал обещание жить по-христиански. Надо ли говорить о том, какую благодарность к Архиепископу имели родители этого юноши?

Здесь же, в Полтаве, был другой случай. Состоятельные родители также жаловались на сына, что он ни во что ставит родительский совет не идти тем путем, которым он шел под влиянием беспутных друзей: путем частых ночных отлучек, попоек и кутежей. Родители же сами, будучи состоятельными, баловали его деньгами. Но пришли к Архиепископу и вздыхали, и даже плакали. А когда архиепископ Феофан, ссылаясь на Божественное Писание и Святых Отцов, советовал им не давать сыну денег, держать его строго и наказывать, то родители возражали ему: «Нет, нет, мы будем его воспитывать с любовью, в христианском духе. А когда он вырастет, поймет и оценит наше чуткое воспитание».

После этого Владыка замолчал. Сын рос, и с возрастом становился все хуже и хуже. Прежде он просил денег, а теперь стал их требовать и похищать у родителей. Родители – опять к Владыке за советом: как быть и что делать? Владыка им отвечал: «Разве я вам не давал совет, но не от себя: строже держать сына. Разве это мои слова? Вы сами можете прочесть об этом в слове Божию и у Святых Отцов. Они ясно говорят, что детей надо воспитывать в строгости, но без жестокости. Вот такое-то воспитание сами дети поймут впоследствии и с благодарностью оценят».

Но родители опять свое, опять проповедуют ложное, либеральное воспитание: «Да неужели наш сын не оценит нашей любви к нему?» – «Но подлинная любовь христианская должна выражаться и в строгости. Надо быть справедливым и строгим. Этого требует любовь, настоящая любовь к вашему сыну. Вы сами поймете потом, как вы глубоко ошибались. Да будет уже поздно!»

И чем все кончилось? Сын стал на преступный путь, и сердобольные родители прокляли его и лишили наследства. И когда пришли они снова с горьким плачем к владыке Феофану, то говорили, что они тяжко согрешили своим «воспитанием», не послушав его совета.

Вспоминая позже этот случай, Владыка говорил: «Да, некоторым родителям, прежде чем воспитывать своих собственных детей, надо бы самим воспитаться, вернее, перевоспитаться в христианском духе. Тогда не получилось бы того, что случилось с этой семьей!»

А вот рассказ жены профессора Полтавской Духовной семинарии Л.В.И. о случившемся в их семье.

В 1915 году в отпуск с театра военных действий приехал ее сын, офицер, у которого в Полтаве была невеста. Отпуск этого офицера кончался на Пасхальной неделе. Молодые хотели венчаться перед отъездом жениха.

Л.В. близко знала владыку Феофана, и он любил всю их семью. И Л.В. пришла к Владыке и просила благословения на бракосочетание в один из дней Пасхальной недели. Вла-

дыка, всегда внимательный и готовый помочь всякому просящему, на этот раз грустно задумался и сказал, что он хочет прежде посмотреть в канонах, а тогда даст свой ответ.

Через несколько дней мать жениха опять пришла к Владыке. Владыка твердо сказал: «Благословить бракосочетание Ваших детей в эти пасхальные дни я не могу, не имею права, так как Церковь не разрешает этого, и для молодых будет большое несчастье, если они не послушают Церкви».

Мать страшно огорчилась и наговорила много неприятностей Архиепископу. Она считала, что Владыка, как строгий аскет, не понимает жизни и поэтому не разрешает бракосочетание в совершенно исключительных условиях.

Несмотря на запрет Архиерея, нашелся какой-то священник, который согласился совершить их бракосочетание. Обвенчавшись, офицер уехал, оставив молодую жену в Полтаве. Но с этого момента след его был потерян. Несмотря на все хлопоты матери и молодой жены, никто не мог им сказать, где он и что с ним случилось.

Рассказывая об этом, Л.В. сильно плакала. Она говорила позже: «Как велик был Владыка архиепископ Феофан!.. И как мы мало его ценили, не понимали и не слушались».

Полтавцы знали, как Господь молитвами владыки Феофана исцелял больных и как Владыка своими молитвами многих ограждал от греха. Но если кто-то не слушал его, то сам навлекал этим на себя кару.

Несколько раз, по просьбе верующих, владыка Феофан извещал их о загробной участи скончавшегося родственника. Так, в Полтаве проживала благочестивая семья: муж и жена, любившие владыку Феофана. Скончался муж, и вдова по своей простоте спросила: «Владыка святой, скажите ради Христа, Господь Вам откроет, какова судьба моего дорогого покойника?»

Архиепископ ей ответил, что если Богу будет угодно, то, быть может, через некоторое время он сможет ей ответить на этот вопрос, но при условии обоюдной молитвы об этом. Владыка помолился и дал опечаленной вдове вполне утешительный ответ: «Всемиловитый Господь простил его и помиловал!»

У неких состоятельных людей было две горничных, одна из которых неожиданно скончалась. А после ее смерти обнаружили исчезновение некоторой суммы денег. Хозяйева обвинили в краже денег оставшуюся в живых прислугу. Обвиняемая заверяла хозяев в своей невинности и непричастности к этой пропаже, но сама логика заставляла подозревать эту горничную в том, что она, пользуясь случаем смерти своей подруги, украла деньги. Она горько плакала и усердно молилась Царице Небесной, чтобы Матерь Божия открыла тайную пропажу денег. И Всесвятая Владычица указала место, где находились деньги, владыке Феофану. Умершая горничная припрятала их для большей сохранности, но не успела сказать об этом. И пропавшие деньги были найдены в указанном Владыкою месте. Так невинная женщина была избавлена от подозрения в краже денег. А что касается владыки Феофана, то он никогда в этом доме не бывал и хозяйева не были знакомы ему.

Другой случай произошел еще прежде, когда он был в Крыму, на Симферопольской кафедре. К владыке Феофану явился некий юноша, уже умерший.

Владыка знал его лично. И этот юноша-покойник просил его святых молитв. Он объяснил, что сейчас проходит страшные места мытарств и очень боится за себя, как бы не был задержан на каком-нибудь из них. А ведь их много, двадцать одно мытарство...

Владыка молился об упокоении его души и о беспрепятственном прохождении всех мытарств. И после этого юноша явился во второй раз, благодарил Святителя за его святые

молитвы и попросил совершить благодарственный молебен. Владыка был удивлен и ответил ему:

«Да ты же – умерший. За тебя надо служить панихиды, а никак не молебны».

На это умерший ответил: «Мне так сказано, там разрешили... Там ведь мы все живы, и мертвых среди нас нет!»

При этом умерший рассказал, каким порядком совершается переход от земной, временной жизни к жизни бесконечной, вечной.

Келейник владыки Феофана, со временем ставший епископом Иоасафом, задал ему вопрос о загробной участи одного Белгородского епископа, которого нашли как бы повесившимся в уборной архиерейского подворья: «Погибла ли его душа?»

На это архиепископ Феофан ответил: «Епископ не погиб, так как не сам наложил на себя руки: это сделали бесы путем обмана».

Епископ Иоасаф (Скородумов) трудится на постройке храма преподобного Серафима Саровского

Дело в том, что архиерейский дом перестраивался. А прежде в нем была домовая церковь. Но строители, настроенные безбожно, сознательно, с кощунственной целью устроили так, что там, где раньше был алтарь и стоял Святой Престол, они сделали уборную. А когда оскверняются священные места подобным образом или совершением убийства или самоубийства, оттуда удаляется благодать Божия и там поселяются бесы. Был ли виновен упомянутый епископ и если да, то в какой степени он виновен в допущении этого кощунства, нет никаких данных. Но ясно, что он стал так или иначе жертвою злобы бесовской.

Как-то владыка Феофан рассказывал о курьезном случае, когда он был на кафедре Полтавской. В епархиальное управление поступило заявление от одного прихода о том, что их батюшка занимается черной магией, «колдует». Был он прежде рыжим, но в одну ночь стал черным, а потом постепенно превратился в фиолетового, а теперь все волосы стали зеле-

ными. Пришлось вызвать этого священника. И священник с плачем рассказывал: «Матушка моя все приставала ко мне, рыжий да рыжий, хоть бы покрасил свою бороду. Вот я и покрасил в черный цвет. А черный начал линять, со временем изменился в фиолетовый, а теперь борода стала зеленой. Простите Христа ради! Никакого колдовства здесь не было, а было простое малодушие!

Владыка Архиепископ, отвечая священнику, сказал: «Ваша ошибка в том, что Вы ввели в соблазн “малых сих”. Не понимая, в чем тут дело, они в сущности правильно поступили. Так что их упрекать за это не надо. По-своему они правы. Вам надо попросить у всех у них прощения. И впредь Вы должны быть осмотрительней. Епитимьи Вам не назначаю, Вы сами священник, наложите на себя епитимью».

К этому рассказу Архиепископ добавил: «Вот и пришлось направить в этот приход благочинного, чтобы разъяснить и успокоить взволнованных таким происшествием прихожан».

Так подвизался архиепископ Феофан (Быстров) в подвиге святительском на Полтавской кафедре. Шли предвоенные и военные годы Первой мировой войны.

Благочестивый народ Полтавы видел воочию, насколько плодотворны труды Архиепископа, и ответил на труды его молитвенные и административные трогательной любовью и преданностью. Паства почитала в своем Архипастыре крепкого молитвенника. В любви народной было не только глубокое уважение к святыне сана, но чтился он и за жизнь подвижническую. Всенародная любовь принимала умилительные формы, когда Владыка прибывал в храм для служения в праздник: ступеньки храма и весь путь его бывали усыпаны цветами. И картина эта поражала своим контрастом: по живым, ярким цветам, красивым и благоухающим, шел бледный и худой человек – человек не от мира сего. Однако сам он не относил к себе лично эти почести, но принимал их как символ архиерейского пути: «Тако да просветится свет твой пред человеки, яко да видят добрая дела твоя, и прославят Отца нашего, Иже на небесех, всегда, ныне и присно и во веки веков, аминь!»

Помазанник Божий – Государь Император Николай II. Грех русского народа

В июле 1914 года началась война с Германией и ее союзниками. Вполне естественно, военные действия сильно волновали владыку Феофана. После первоначальных успехов на всех фронтах русская армия была вынуждена, по нехватке боеприпасов, перейти к обороне. Под влиянием мировых военных авторитетов и мировой прессы Генеральный штаб допустил ошибочный расчет, что ожидаемая война будет короткой, в несколько месяцев.

При переходе к пассивной обороне потери убитыми и ранеными возросли. Патриотический долг тыла – помощь армии. По призыву Полтавского архиепископа Полтава с готовностью открыла военные госпитали для раненых.

И сам архиепископ Феофан перешел жить в семинарию, а свой дом, переоборудовав, передал под военный госпиталь.

Радостные и печальные переживания принесли владыке Феофану последние дни 1916 года.

В Полтаву прибыл, для всех неожиданно, из Ставки фронта Государь Император как Верховный Главнокомандующий всеми Вооруженными силами России. После первых отступлений на германском фронте из-за недостатка боеприпасов теперь Россия напрягла свои усилия, и, снабжая фронт, на каждом ящике писали: «Боеприпасов не жалеть!»

Россия готовилась ко всеобщему наступлению. И Государь прибыл в Полтаву окрыленным несомненной надеждой на военный успех. Он прибыл в Полтаву именно для того, чтобы на месте дарованной Богом победы Петру Великому 27 июня 1709 года над шведским королем Карлом XII испросить у Господа новую победу России, при участии Архиерея, которого он хорошо знал и которому полностью доверял.

Великие княжны в лазарете

Молебен о даровании победы был отслужен владыкой Феофаном в присутствии Государя Императора Николая Александровича в кафедральном соборе Полтавы. Но сам владыка Феофан, зная о грозных пророчествах, не был уверен, что Господь простит грехи народа и отменит Свое слово о судьбе России, ибо Россия 1916 года не была пред Ним Россией 1709 года. Ясное понимание этого наполняло душу Владыки глубокой скорбью и тревогой за судьбу России. Если тогда был один предатель и изменник, то теперь их было неисчислимое множество.

Владыка Феофан возблагодарил Бога за Августейшее посещение именно его епархии с такой благочестивой целью, за Монаршую милость, свидетельствовавшую о прежнем доверии и любви к нему лично, но радость та была на фоне грозных пророчеств о России.

Не только враги России, но и коварные «союзники» бросили тогда миллионы на моральное разложение российского тыла. Революционеры всех мастей получили огромные средства для ведения подрывной пропаганды за спиною доблестной российской армии. Часть интеллигенции и военного руководства, позабыв о своем священном долге перед Государем и Родиной, поддалась самоубийственной крамоле. Революционная раскачка всего здания Империи достигла даже верховной власти. Некоторые *слепые вожди* (Мф. 15, 14) утверждали: «Чем хуже – тем лучше».

Высший генералитет изолировал Государя не только от народа, но даже и от его Семьи. Государь не знал, что делается с его Семьею, а Семья не знала, что делается с ним. Среди «своих» он был как пленник. Пред угрозой отстранения от власти он говорил: «Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага России и для спасения ее».

Архиепископ Феофан, успевший так близко узнать Царскую Семью и оценить ее чистый, святой, христианский уклад и возвышенный облик Царственных Особ, был потрясен до глубины души объявленным отречением Государя.

В октябре 1917 года одних богоборцев сменили у власти другие – на смену демократам встали социал-демократы, большевики. Стоявший во главе их вождь Ленин на митинге кричал: «Нам, господа хорошие, на Россию наплевать!»

И повсюду в стране началось беспрецедентное в истории уничтожение неугодных власти людей, и таковых были миллионы!

Государь Николай II в Ставке Верховного главнокомандующего

Последствием устранения Божия Помазанника от власти стал раскол общества из-за разрыва связующей духовной нити между Батюшкой Царем и народом, его детьми, утвержденной и воплощенной в бытие русское рукою Божией.

Предсказание старицы – Христа ради юродивой Паши Саровской, переданное преосвященным Феофаном в 1911 году лично Государю, а также предсказания многих святых угодников Божиих начали сбываться.

Забыл народ русский Господа Бога, отверг клятву, данную праотцами, клятву на верность Богу и Его Государю. И никто не поднял открыто знамени Всероссийского Собора 1613 года, не осталось верных завещанному в «Утвержденной Грамоте», которая гласит:

*«ВО ИМЯ ОТЦА И СЫНА И СВЯТАГО ДУХА
Утвержденная Грамота
Великаго Всероссийскаго Собора в Москве,
Церковнаго и Земскаго, 1613 года.*

Послал Господь Свой Святый Дух в сердца всех православных христиан (Земли нашей), яко едиными усты вопияху, что быти (...) Царем (...) и Самодержцем Тебе, Великому Государю Михаилу Феодоровичу.

Целовали все Животворный Крест и обет дали, что за Великого Государя, Богом почтенного, – Богом избранного и Богом возлюбленного Царя (...) и за их Царские Дети, Которых Им, Государям, впредь Бог даст, души свои и головы положить и служить им, Государям нашим, верою и правдою, всем душами и головами.

И иного Государя, мимо Государя Царя (нашего)-(...) и Их Царских Детей, которых Им, Государям, впредь Бог даст, искати и хотети иного Государя из каких людей ни буди, или какое лихо похочет учинити; то нам, боярам, и окольничьим, и дворянам, и приказным людям, и купцам, и детям боярским, и всяким людям на того изменника стояти всею землею за един.

Прочтоша сию Утвержденную Грамоту на Великом Всероссийском Соборе и выслушав большее во веки укрепление – быти так во всем потому, как в сей – Утвержденной Грамоте писано. А кто убо не похочет послушати сего Соборного Уложения, его же Бог благослови, и начнет глаголати ино, и молву в людях чинити, то таковой, аще от священного чину, и от Бояр, Царских Синклит, и воинских, или ин кто от простых людей, и в каком чину не буди, по священным правилам Св. Апостол, и Вселенских седми Соборов Святых Отец, и Поместных; и по Соборному Уложению всего извержен будет, и от Церкви Божией отлучен, и Святых Христовых Тайн приобщения; яко раскольник Церкви Божией и всего православного христианства, мятежник и разоритель Закону Божию, а по Царским Законам месть восприемлет; и нашего смирения и всего освященного Собора, не буди на нем благословения от ныне и до века. Да будет твердо и неразрушимо в предъидущия лета, в роды ироды, и не прейдет ни единая черта от написанных в ней (в Утвержденной Грамоте) (...)»

Русский народ согрешил, поддавшись безбожникам, отступив от заветов своих отцов, оставив Помазанника Божьего одиноким в самую трудную минуту и допустив страшное злодеяние цареубийства.

Искушения от обновленцев и от украинских самостийников

Как епархиальный Архиерей архиепископ Феофан был членом Поместного Собора Всероссийской Православной Церкви 1917–1918 годов.

Иногда Архиепископ делился своими впечатлениями о Соборе. Так, произошел один случай, встреча с группой духовенства обновленческого толка и с некоторыми либерально настроенными профессорами духовных академий. Эти либералы-модернисты решили «уловить» Архиепископа «в словах».

Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917–1918 годов

Они начали с лести: «Мы уважаем, мы чтим Вас, Ваше Высокопреосвященство, мы знаем Вашу принципиальность, Вашу стойкость, Вашу церковную мудрость.

Вы сами видите, как волны времени быстро несутся, меняя все, меняя и нас... Была Монархия, был Самодержец-Царь, а теперь ничего этого нет. И нам, с учетом этих перемен, приходится невольно уступать. И, как выражается великий учитель Церкви святитель Иоанн Златоуст, что иногда, дабы успешнее ввести корабль Церкви в пристань, кораблю приходится уступить волнам с тем, чтобы, выждав удобный момент, ввести корабль в пристанище... Вот и в данный момент Церкви необходимо немного уступить...» «Да, – ответил Архиепископ, – но вопрос: в чем уступить?» – «Быть с большинством! В противном случае ведь с кем Вы останетесь?!» – «Большинство может меня запугать, – привел в ответ слова святителя Василия Великого Владыка, – но не сможет меня убедить...» И добавил: «Мы остаемся с теми, кто две тысячи лет созидал собою великое тело Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви. Мы останемся со святым равноапостольным князем Владимиром и бесчисленными сонмами явленных и неявленных угодников, начиная с Киево-Печерских, с преподобными Антонием и Феодосием и с прочими святыми по землям и краям Отечества нашего, с преподобными Сергием Радонежским и дивным Серафимом Саровским, со святыми и мучениками Российскими, под Покровом Царицы Небесной, Заступницы нашей... А таких “уступок”, о которых Вы думаете, нам делать не должно!»

Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917–1918 годов

Оппоненты на этом оставили архиепископа Феофана.

После Собора, вернувшись в Полтаву, владыка Феофан пережил большие неприятности при столкновении с украинскими самостийниками, петлюровцами. Захватив власть в Киеве в свои руки, Петлюра и его сторонники потребовали от Полтавского архиерея совершить торжественную панихиду по бывшем гетмане Украины Иване Мазепе, любимце Царя Петра, но в Полтавском бою предательски изменившем Царю и перешедшем на сторону врагов – шведов и за это преданном Российской Православной Церковью анафеме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.